

ЧТОБЫ УБИТЬ,
СМЕЛОСТЬ НЕ ТРЕБУЕТСЯ.
ОНА НУЖНА, ЧТОБЫ ЛЮБИТЬ.

РОЗА и КИНЖАЛ

РЕНЕ АХДИЕ

Рене Ахдие
Роза и кинжал
Серия «Young Adult.
Сумеречная жажда»
Серия «Ярость и рассвет», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68015081

Роза и кинжал: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-174036-8

Аннотация

Продолжение романа «Ярость и рассвет».

Эпическая история любви, вдохновленная книгой «1000 и 1 ночи».

Бестселлер The New York Times.

«100 лучших фэнтези романов всех времен» по версии журнала TIME.

Когда-то Шахразада поклялась отомстить кровавому тирану за гибель своей подруги. Но теперь она не считает его чудовищем и безжалостным убийцей, потому что знает: на халифа было наложено смертельное проклятие.

Ради своей возлюбленной Халид обрек на гибель целый город. Его королевство на грани войны с многочисленной армией врагов.

Шахразаде необходимо раз и навсегда снять проклятие и остановить бессмысленное кровопролитие. Но для этого ей придется рискнуть всем, чтобы спасти свою единственную и настоящую любовь.

Содержание

Пролог	6
Вода лжет	13
Всегда	33
Истории и тайны	43
Роковая черта	56
Врата между мирами	67
Готовность учиться	89
Бабочка и великан	93
Ни единой капли	102
Как нераспустившийся бутон	112
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Рене Ахдие

Роза и кинжал

Copyright © 2016 by Renée Ahdieh

© О. Бурдова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Моим сестрам – Эрике, Элейн
и Сабаа – эта книга не появилась бы,
не будь вас.*

И Виктору – всегда.

*Где роза – там шип.
Джалаладдин Руми¹*

¹ Мавлана́ Джалал ад-Дин Мухамма́д Руми́ (1207–1273 гг.) – персидский поэт-суфий. – Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.

Пролог

Девочке исполнилось одиннадцать лет и три четверти. Три очень важные четверти. Особенно большое значение они имели этим утром, когда отец поручил дочери крайне ответственное задание прямо перед тем, как уйти. Именно поэтому она хоть и тяжело вздохнула, но послушно засучила обтрепанные по краям рукава и начала сгужать обломки в стоявшую неподалеку тачку.

– Не могу поднять, – пожаловался восьмилетний брат, безуспешно пытаясь сдвинуть с места один из кусков обрушенной стены, и тут же закашлялся, когда от обугленных деревяшек в воздух взлетело облако пепла.

– Давай помогу, – предложила девочка и отбросила в сторону лопату, которая звонко ударилась об пол.

– Я сам!

– Нужно работать вместе, иначе ни за что не управимся с уборкой до возвращения баба². – Сестра подбоченилась и сердито воззрилась на мальчика.

– Оглянись, – фыркнул тот, обводя широким жестом остатки помещения. – Мы никогда не закончим уборку.

Девочка проследила взглядом, куда указывал брат. Глиняные стены их дома пребывали в плачевном состоянии. Разру-

² Баба – уважительное обращение к отцу в арабских странах. (Значения выделенных курсивом слов указаны в разделе «Глоссарий».)

шенные, припорошенные слоем саж. Крыша провалилась и открывала взору небеса. Небеса без малейшего признака надежды.

Вокруг простирался когда-то процветающий город.

Полуденное солнце стыдливо пряталось за разрушенными крышами домов Рея, отбрасывая тени на расколотые камни и опаленный мрамор. Тут и там виднелись еще дымящиеся груды развалин, которые служили жестоким напоминанием о том, что творилось вокруг всего несколько коротких дней назад.

Девочка подошла к брату, стараясь принять суровый вид, и наставительно произнесла:

– Если не хочешь помогать, подожди снаружи. Но я останусь и продолжу уборку. Кому-то же нужно этим заниматься.

С этими словами она потянулась к лопате.

Мальчик раздраженно пнул ближайший булыжник, отчего тот прокатился по спекшейся от жары земле и остановился возле ног незнакомца, замершего возле обугленной дверной рамы. Лицо мужчины скрывал капюшон.

Девочка стиснула ладонь на черенке лопаты, задвинула брата себе за спину и поинтересовалась у незваного гостя:

– Могу ли я вам чем-то помочь?

Черная накидка-*рида* незнакомца была расшита серебряными и золотыми нитями. Изысканные ножны необычной сабли поблескивали драгоценными камнями. Обувь же была изготовлена из тонко выделанной телячьей кожи.

Мужчина явно не принадлежал к числу разбойников.

Не получив ответа, девочка выпрямилась, с бешено коло-
тящимся в груди сердцем приподняла лопату, нахмурилась
и повторила вопрос:

– Могу ли я вам чем-то помочь, *сагиб*?

Незнакомец шагнул внутрь от покосившейся дверной ра-
мы, откинул на плечи капюшон и примирительным жестом
осторожно выставил перед собой ладони. Каждое движение
казалось плавным, текучим, исполненным грации.

Девочка впервые сумела рассмотреть незваного гостя в
солнечных лучах. Он выглядел куда моложе, чем она ожи-
дала – не старше двадцати лет, – и мог бы считаться краси-
вым, если бы не слишком резкие черты и не ожесточенное
выражение лица. В ярком свете стало заметно и еще кое-что
странное: контрастируя с остальным обликом богатого вель-
можи, его руки, покрытые мозолями, покраснели и потрес-
кались, свидетельствуя о тяжелом труде. Усталые глаза были
необычного цвета расплавленного золота, как у льва, кото-
рого девочке доводилось видеть лишь на картинах.

– Я не хотел вас напугать, – тихо произнес молодой муж-
чина, обводя взглядом развалины скромного жилища. – Мо-
гу ли я побеседовать с вашим отцом?

– Его здесь нет, – медленно ответила девочка, вновь ис-
полняясь подозрений. – Он отправился за строительными
материалами для дома.

– А ваша матушка?

– Умерла на следующее утро после того, как на нее упала крыша во время бури, – отозвался из-за спины сестры мальчик.

Слова прозвучали буднично, потому что он сам в них не до конца верил. Да и самой девочке было тяжело уложить в голове все несчастья, которые обрушились на их семью за последний год: сначала неурожай из-за засухи, приведший их на грань голода, затем ужасная гроза, нанесшая последний удар. Брат просто еще не осознавал случившееся.

Выражение лица незнакомца, и без того суровое, превратилось в безжизненную маску. Он отвел взгляд, безвольно уронив руки, но потом стиснул кулаки так, что побелели костяшки, и решительно поднял на юных собеседников глаза.

– Есть еще одна лопата?

– Тебе-то она зачем, богатея? – вызывающе спросил брат, угрожающе наступая на мужчину.

– Камьяр! – ошеломленно выдохнула сестра, хватая безрассудного мальчишку за ворот поношенного *камиса*.

Незнакомец недоуменно заморгал, а спустя пару мгновений присел на корточки перед юным защитником и заговорил с намеком на улыбку в уголках губ:

– Камьяр, верно?

Тот ничего не ответил, едва осмеливаясь смотреть прямо в глаза высокому мужчине.

Тогда вмешалась девочка, с трудом выдавив:

– Я... Простите моего брата за дерзость, *сагиб*.

– Не стоит извинений. Я даже ценю вызов, если он исходит из уст достойного человека, – при этих словах на губах незнакомца заиграла настоящая улыбка, смягчившая его черты.

– Да, меня зовут Камьяр, – резко заявил брат. – А вот твоего имени я что-то не слышал.

– Халид, – после секундной заминки отозвался странный гость.

– И зачем тебе нужна лопата, Халид? – потребовал ответа мальчик.

– Хочу помочь убрать мусор.

– С какой стати?

– Потому что вместе мы справимся быстрее.

– Но это наш дом, не твой, – не успокаивался брат. Хотя он и смягчил тон, но по-прежнему настороженно разглядывал собеседника, склонив голову набок. – Тебе-то что за дело?

– Рей – мой дом. Как и ваш. Разве вы не предложили бы мне помощь в случае нужды?

– Предложили бы, – без колебаний подтвердил Камьяр.

– Так я и думал, – кивнул Халид, поднимаясь на ноги. – Значит, решено. Можно одолжить лопату?

До конца дня все трое усердно расчищали пол от обугленного дерева и от разбухших из-за дождя обломков. Девочка отказалась назвать свое имя и обращалась к нежданному помощнику только уважительно: «Сагиб». Однако брат относился к нему свободно и радушно, как к давнему другу,

с которым имел общего врага.

Во время краткого перерыва Халид предложил им воду и лаваш. Девочка приняла еду, благодарно склонив голову, притронулась кончиками пальцев ко лбу и покраснела, когда красивый мужчина молча вернул жест.

Вскоре день начал клониться к закату. Камьяр устроился в углу разрушенного жилища, закрыл глаза и задремал, опустив подбородок на грудь.

Добровольный помощник закончил складывать возле выхода все куски дерева, которые еще могли пригодиться, отряхнул риду и натянул капюшон на голову.

– Спасибо, – пробормотала девочка, понимая, что обязана хоть как-то выразить благодарность.

Халид обернулся через плечо, застыв на месте. Затем пошарил под накидкой и протянул юной собеседнице небольшой мешочек. Горловину перетягивал кожаный шнур.

– Пожалуйста, возьми.

– Нет, *сагиб*, – покачала головой девочка. – Я не могу принять деньги. Мы и без того злоупотребили вашей щедрой помощью.

– Здесь совсем немного. Прошу, возьми, – устало произнес Халид. Его глаза под капюшоном казались потухшими, переутомленными. – Пожалуйста.

На лице, скрытом тенями, запятнанном копотью и пылью, на мгновение промелькнуло едва уловимое выражение такого неизбывного горя, какое девочка даже не могла себе пред-

ставить. Она приняла мешочек из рук мужчины.

– Спасибо, – прошептал он, словно это ему сделали одолжение.

– Шива, – тихо сообщила девочка. – Меня зовут Шива.

В глазах собеседника на миг вспыхнуло недоверие, затем резкие черты лица смягчились.

– Конечно, – вздохнул он и низко склонил голову, почти-тельно притрагиваясь ко лбу кончиками пальцев.

Несмотря на недоумение, Шива вежливо повторила жест, а когда подняла глаза, то увидела, что странный мужчина уже свернул за угол и растворился в ночном мраке.

Вода лжет

Всего лишь кольцо. Но сколько же оно для нее значило!

То, что можно потерять. То, за что стоило сражаться.

Шахразада подняла голову, подставляя лицо под солнечные лучи. Перстень из тусклого золота блеснул, напоминая о своем двойнике, который находился на другом конце песчаного моря.

Мысли сами собой устремились к мраморному дворцу Рея. К Халиду. Оставалось надеяться, что он сейчас был с Джалалом или с дядей, *шахрбаном*, а не один, гадая, что произошло со своевольной женой.

«Почему я не там, с ним? – с отчаянием подумала Шахразада. Потом плотно сжала губы и сама же ответила себе: – Потому что в последний раз, когда я находилась в Рее, погибли тысячи ни в чем не повинных людей».

Она не могла вернуться до тех пор, пока не сумеет обнаружить способ защитить жителей города. И возлюбленного. Пока не найдет способ снять проклятие Халида.

За стенками шатра послышалось беззаботное бление козла.

Ощущая, как в груди нарастает ярость, Шахразада откинула импровизированное одеяло и потянулась к кинжалу, сама понимая, что не станет осуществлять невысказанную угрозу, но пытаясь таким образом обрести хоть какое-то по-

добие контроля над ситуацией.

Словно в насмешку, пронзительное блеяние лишь усилилось, и к нему добавилось... что? Звуки колокольчика?

На шее отвратительной твари звенел колокольчик! Под такой шум не сумел бы уснуть даже покойник!

Шахразада села, стиснула украшенную драгоценными камнями рукоять кинжала и... Обессиленно откинулась назад на походную постель, испустив раздраженный стон.

«Можно подумать, если бы стояла тишина, то я бы сумела заснуть».

Но нет, не тогда, когда дом находился так далеко. Когда так далеко находилось место, к которому стремилось сердце.

Шахразада с трудом проглотила вставший в горле ком и рассеянно погладила подушечкой большого пальца оттиск в виде двух скрещенных сабель на печатке. Халид подарил перстень жене всего две недели назад.

Она приказала самой себе собраться. Сожаления не помогут в достижении цели.

Вздохнув, Шахразада снова села и обвела взглядом окружающую обстановку.

Походная постель Ирсы лежала скатанной в дальнем конце их общего маленького шатра. Младшая сестра уже давно встала и сейчас наверняка всю пекла хлеб, заваривала чай и заплетала в косички бородку мерзкого козла.

Несмотря на ужасные обстоятельства, губы сами собой растянулись в улыбке.

Отсутствие полноценного отдыха, однако, быстро погасило искры хорошего настроения. Шахразада встала, заткнув кинжал за пояс, и потянулась. Каждый мускул тела ныл после нескольких дней тяжелого пути и плохого сна.

Три ночи, наполненные тревогой. Три ночи, проведенные в тщетной попытке забыть горящий город. Забыть хоть ненадолго список вопросов без ответов. Три бесконечно длинные ночи беспокойства за отца, чье истерзанное тело нашли на холмах рядом со столицей. Он до сих пор так и не оправился от травм.

Шахразада глубоко вдохнула сухой и свежий воздух, подставив лицо солнечным лучам, которые просачивались сквозь швы шатра. Тонкий слой песчаной взвеси покрывал все поверхности, создавая ощущение, что все вокруг было сделано из припорошенной алмазами тьмы.

Возле одной из стенок шатра стоял небольшой складной столик с фарфоровым кувшином и медным тазом. Рядом лежал весь небогатый скарб Шахразады, завернутый в потрепанный коврик, который ей подарил Муса Сарагоса. Она опустилась на колени, вылила в емкость теплую, но чистую воду, наклонилась, чтобы умыться.

И увидела собственное отражение – отражение спокойной девушки. Спокойной, хоть и со слегка искаженными чертами лица. Девушки, которая потеряла все и ничего за одну-единственную ночь.

Шахразада опустила в теплую влагу обе ладони. Под ее

поверхностью кожа выглядела бледной и кремовой, утратив обычный бронзовый оттенок. Из-за непонятного эффекта в том месте, где воздух соприкасался с водной гладью, руки странно изгибались, отчего казалось, что они находятся в ином мире.

В мире с иным течением времени, в мире с иным исходом событий.

Вода лжет.

Шахразада умылась и провела мокрой пятерней по волосам, после чего открыла небольшой контейнер с толченой мятой, белым перцем и солью, чтобы почистить зубы после сна.

– Уже встала! Кто бы мог подумать, что ты способна на такие подвиги. Особенно учитывая позднее прибытие.

Шахразада обернулась и посмотрела на Ирсу, которая стояла напротив входа в шатер, так что ее гибкий стан казался темным силуэтом на фоне треугольника пустыни. Сестра скользнула внутрь и опустила за собой тканевый клапан. Стало видно ее лицо с мальчишескими чертами, которые сейчас скрашивала улыбка.

– Обычно ты никогда не вставала к завтраку.

– Как можно спать при таком шуме? Этот проклятый козел и мертвого из могилы поднимет! – проворчала Шахразада и брызнула водой в сторону младшей сестры, чтобы избежать дальнейших расспросов.

– Ты имеешь в виду Фарбода?

– Уже дала имя этому чудовищу? – ухмыльнулась Шахразада, пытаясь заплести в косу спутанную гриву волос.

– На самом деле он очень милый, – нахмурилась Ирса. – Просто нужно узнать его поближе.

– Пожалуйста, передай своему ненаглядному Фарбоду, что если он продолжит утренние вокальные упражнения, то я вряд ли устою перед искушением приготовить любимое блюдо – жареного козла в гранатовом соусе с дроблеными орехами.

– Точно, как это я забыла, – усмехнулась сестра, доставая из кармана мятых шаровар моток бечевки, чтобы перетянуть кончик заплетенной косы Шахразады, – нас же почтила своим присутствием царская особа. Обязательно предупреджу Фарбода, чтобы он не смел и дальше беспокоить прославленную жену халифа Хорасана.

Шахразада обернулась через плечо, наткнулась на взгляд светлых глаз сестры и тихо пробормотала:

– Ты так вытянулась. И когда только успела?

– Я скучала по тебе. – Ирса обняла старшую сестру за талию, почувствовала под кончиками пальцев рукоять кинжала и с тревогой отпрянула: – Зачем тебе оружие?

– *Баба* не очнулся? – стараясь скрыть напряжение за улыбкой, ответила Шахразада вопросом на вопрос. – Проводишь меня к нему?

В ту ночь, когда разразилась буря, она отправилась с Тариком и Рахимом за пределы Рея, чтобы отыскать отца, но

оказалась не готова к представшему пред глазами зрелищу. Джахандар аль-Хайзуран лежал в луже рядом с древней, переплетенной в кожу книгой. Его руки и ноги покрывали ожоги: красные, совсем свежие, словно ссаженные обо что-то. Волосы выпадали клочьями. Потоки дождевой воды подхватывали пряди и смывали в грязь, как и остальные разбросанные вещи.

Серая в яблоках кобыла сестры с перерезанным горлом распростерлась рядом. Струи грязи смешивались с кровью и стекали с холма, оставляя зловещий багряный след.

Картина обмякшего тела отца на фоне красно-серого склона стояла перед глазами Шахразеды еще очень долго.

Когда она попыталась разжать пальцы Джахандара на книге, он вскрикнул на каком-то неизвестном языке, а потом умолк, закатив глаза, и с тех пор больше ни разу не приходил в себя за все минувшие четыре дня.

Шахразада отказывалась уезжать, пока отец не очнется, так как должна была знать, что он в безопасности. Должна была знать, что именно он сотворил. И неважно что, – и кого – она оставила в Рее.

– *Баба?* – тихо позвала Шахразада, стоя на коленях в тесном шатре возле бессознательного отца.

Он зашевелился и стиснул древний фолиант, который не желал выпускать из рук даже в бреду, не позволяя дотронуться до кожного переплета ни единой живой душе.

Ирса тяжело вздохнула и наклонилась к сестре, протяги-

вая стакан с напитком.

Шахразада приняла его и поднесла к потрескавшимся губам Джахандара. Он сделал несколько глотков, что-то невнятно пробормотал и перевернулся на бок, пряча книгу еще дальше под одеяло.

– Что ты добавила в напиток? – спросила Шахразада у сестры. – Пахнет приятно.

– Просто чай с молоком, медом и мятой. Ты говорила, папа ничего не ел несколько дней. Решила, это поможет, – пожала плечами Ирса.

– Отличная идея. Мне следовало самой об этом подумать.

– Не будь к себе строга, ты и без того сделала более чем достаточно, – заявила сестра с рассудительностью, удивительной для своих четырнадцати лет. – *Баба́* скоро очнется. Я... я это знаю. – Она закусил губу, в голосе не чувствовалось уверенности. – Для исцеления ран требуется покой. И время.

Шахразада ничего не ответила, разглядывая руки отца. Ожоги пошли волдырями, синяки налились ярко-фиолетовым и багровым.

«Что он делал в ночь бури? – задалась вопросом она. – Что натворил?»

– Тебе и самой следует поесть, – прервала мысли сестры Ирса. – Ты хоть сумела перекусить после того, как приехала вчера поздно вечером? – И до того, как Шахразада успела хоть что-то возразить, схватила ее за руку, вздернула на ноги и потащила за собой из шатра к барханам неподалеку.

В густом, как суп, воздухе пустыни витали ароматы жарящегося мяса. Столб дыма беспомощно нависал над костром. Не было даже намека на ветерок. Мелкий песок обжигал даже сквозь подошвы. Безжалостные лучи солнца опаляли все, чего касались.

Шахразада с любопытством рассматривала поселение бе-дуинов прищуренными глазами. Вокруг царила суматоха. Люди, в большинстве с улыбками на лицах, сновали туда и сюда, переноса с места на место корзины с зерном и другие продукты. Дети выглядели счастливыми, хотя нельзя было не обратить внимание и на тревожные знаки: лежащее в тени на дубленых шкурах разнообразное оружие – сабли, топоры и стрелы. Нельзя было не обратить внимание на то, что это означало.

Подготовку к грядущей войне.

«И заберу тех жизней тысячекратно», – вспомнились слова проклятия.

Шахразада напряглась, но потом расправила плечи, не желая обременять сестру своими заботами. Эти заботы могли решить только люди с особыми талантами.

Такие, как Муса Сарагоса, маг из Храма огня.

Потребовалось значительное усилие воли, но Шахразада отодвинула мрачные мысли о нависавшем смертельном проклятии в дальний угол души, когда они с Ирсой подошли к самому большому шатру, разбитому среди скопления других, поменьше. Обиталище шейха выглядело величествен-

но, несмотря на заплаты на полотняных стенах всевозможных цветов и оттенков, выгоревших на солнце. Сверху развешивалось знамя. Часовой в грубо тканой накидке загораживал вход.

– С оружием нельзя, – предупредил страж и хлопнул Шах-разаду по плечу с силой заклятого врага, похоже, наслаждаясь своей властью.

Проигнорировав голос благоразумия, девушка отреагировала инстинктивно: сбросила руку наглеца и нахмурилась.

«Я не в том настроении, чтобы мириться с воинственными грубиянами».

– С оружием в шатер шейха нельзя, – повторил часовой и потянулся к собственному кинжалу, в глазах сверкнула угроза.

– Только посмей еще раз меня тронуть, и...

– Шази! – поспешно одернула сестру Ирса и выступила вперед, чтобы успокоить стража. – Пожалуйста, простите ее...

Часовой не дал ей договорить, оттолкнув прочь. Не колеблясь ни секунды, Шах-разада бросилась на мужчину и ударила обеими кулаками его в грудь, заставив отшатнуться. За спиной послышались крики.

– Что ты делаешь, Шази? – На лице Ирсы отражался ужас от безрассудства сестры.

Противник яростно взревел, раздувая ноздри, и схватил за локоть воинственную девушку. Та приготовилась дать от-

пор, стиснув кулаки и напружинив ноги.

– Отпусти ее немедленно!

За спиной часового возникла высокая тень.

«Ну прекрасно», – подумала Шахразада и поморщилась, хотя к гневу примешивался оттенок раскаяния. Вслух же она процедила сквозь зубы:

– Мне не требуется твоя помощь, Тарик.

– Я помогаю не тебе, – заявил сын эмира, подходя ближе и бросая на нее короткий взгляд с явной просьбой уговорить-ся.

Неприкрытая боль читалась в глазах бывшего жениха достаточно ясно, чтобы воинственный пыл Шахразады угас.

«Простит ли он меня хоть когда-нибудь?» – подумала она.

Часовой обернулся к Тарику с такой почтительностью, что в иное время, при обычных обстоятельствах, Шахразада пришла бы в крайнее раздражение.

– Прошу меня простить, *сагиб*, но она отказывалась...

– Отпусти ее немедленно. Меня не интересуют оправдания. Исполни приказ, или столкнешься с последствиями неподчинения.

Страж неохотно повиновался. Шахразада вырвала локоть, собрала с духом и обернулась к стоявшим рядом мужчинам. За плечом Тарика маячил верный Рахим. На противоположном фланге столпились еще несколько юношей. Один из них пытался казаться старше своих лет. Худощавый, как тростинка, он отпустил росшую клоками на длин-

ном мальчишеском лице бородку и теперь преувеличенно сурово хмурил брови. В ледяном взгляде читалась неприкрытая ненависть.

Рука Шахразады невольно потянулась к кинжалу.

– Спасибо, Тарик, – поблагодарила Ирса, заметив, что сестра не собирается этого делать.

– Конечно, – неловко кивнул сын эмира.

– Я... – Шахразада осеклась и прикусила щеку изнутри.

– Не стоит утруждаться. Между старыми знакомыми слова излишни, – отмахнулся Тарик, после чего откинул капюшон *риды* и нырнул в шатер, избавляясь от необходимости и дальше выносить компанию Шахразады.

Мальчишка с ледяными глазами бросил на нее испепеляющий взгляд, прежде чем последовать примеру Тарика. Рахим разочарованно покачал головой, будто ожидал от девушки иного поведения, а затем подошел к Ирсе и вопросительно посмотрел на нее, когда же та лишь молча улыбнулась, вздохнул, прошагал мимо и скрылся в шатре, не сказав ни слова.

– Что на тебя нашло? – прошипела сестра, ткнув Шахразаду локтем под ребра. – Мы здесь гости. Нельзя себя так вести!

Принимая упрек, та коротко кивнула и в свою очередь направилась к шатру.

Внутри огромного помещения царил полумрак, поэтому глазам потребовалось некоторое время, чтобы приспособиться.

собраться. С деревянных подпорок через равные интервалы свисали медные лампы, однако после солнца пустыни их свет казался тусклым. Вдоль дальней стенки шатра тянулся длинный низкий стол из нетесаного тика. Вокруг высокими стопками громоздились подушки, грозя в любой момент свалиться. Мимо Шахразады с воплями промчались дети, не обращая ни на что внимания в стремлении занять лучшее место за столом.

В самом центре этого хаоса расположился пожилой мужчина с пронзительными глазами и нечесаной бородой. Когда он заметил Шахразаду, то неожиданно тепло ей улыбнулся. По левую руку от него сидела женщина примерно того же возраста, перекинув через плечо длинную косу цвета тусклой меди. Справа же разместился Реза бин-Латиф.

Шахразада ощутила раскаяние. Они виделись вчера, но очень кратко, и она до сих пор не испытывала уверенности, что готова встретиться с отцом подруги лицом к лицу почти сразу после того, как потерпела неудачу в попытке отомстить за убийство Шивы.

Почти сразу после того, как влюбилась в казнившего ее юношу.

Решив пока избегать нежеланного внимания, Шахразада склонила голову и опустилась на подушку рядом с Ирсой. Напротив сидели Тарик с Рахимом. Устроившийся неподалеку парнишка с ледяными глазами пользовался любой возможностью, чтобы метнуть в девушку испепеляющий взгляд.

Первым ее побуждением было сделать замечание и поставить юнца на место, но в памяти всплыл упрек сестры о том, что они здесь являются гостями. Нельзя было вести себя вызывающе.

Только не тогда, когда на кону стояло благополучие семьи. Серебряное, выщербленное по краям от времени блюдо с запеченной ножкой ягненка красовалось в центре поцарапанного стола. Рядом в корзинках лежали толстые ломти хлеба, намазанные маслом и покрытые черными семенами кунжута. В треснутых мисках высились горки редиса и больших кусков козьего сыра. Не прекращая переругиваться, дети расхватывали овощи, отломали щедрые порции хлеба и принялись рвать мясо голыми руками. Взрослые в это время разливали по чашкам чай, добавив ароматные листочки мяты.

Когда Шахразада подняла голову, то поймала на себе взгляд пронизательных глаз старика. Он еще раз тепло улыбнулся, продемонстрировав щербинку между передними зубами, придававшую ему немного глуповатый вид.

Однако Шахразаду это ничуть не обмануло.

– Значит, друг мой, это и есть Шази? – спросил старик, неясно, к кому обращаясь. – Ты был прав. – Он надтреснуто усмехнулся. – Она настоящая красавица.

Шахразада быстро осмотрела всех сидевших за столом и задержала взгляд на Тарике, чья поза говорила о неловкости: широкие плечи напряжены, резко очерченные челюсти крепко стиснуты. Наконец он тяжело вздохнул, поднял голо-

ву, встречаясь глазами с Шахразадой, и послушно подтвердил:

– Да, так и есть.

– Ты создала множество неудобств хорошим людям, красавица, – прокомментировал старик, поворачиваясь к гостю.

Та почувствовала вспыхнувшее раздражение, подобно раздутому из углей пламени, но, ощутив предупреждающее прикосновение сестры, все же сумела сдержаться и промолчать, закусив губу, чтобы не дать вырваться поспешным словам. Пришлось напомнить себе: «Я здесь всего лишь гостя и должна проявлять учтивость, какой бы разгневанной и одинокой не ощущала себя».

Старик расплылся в еще более широкой улыбке, снова демонстрируя щербинку между зубами, чем привел Шахразадду в бешенство, и спросил:

– Стоишь ли ты того?

– Прошу прощения? – переспросила она и вежливо кашлянула, держа на коротком поводке свои эмоции.

Парнишка с ледяными глазами наблюдал за ней с хищным вниманием охотничьего ястреба.

– Стоишь ли ты всех тех неудобств, которые создала, красавица? – терпеливо пояснил старик, произнося слова нараспев и еще больше выводя из себя собеседницу.

Ирса схватила ее за руку вспотевшей от страха ладошкой в безмолвной мольбе не реагировать на слова хозяина шатра.

Шахразада медленно выдохнула, успокаиваясь. Она не могла рисковать безопасностью сестры. Только не в чужом поселении среди незнакомцев. Незнакомцев, которые могли вышвырнуть ее семью в пустыню за любое неверное слово. Или перерезать им глотки за неосторожный взгляд. Нет. Нельзя подвергать угрозе и без того висящую на волоске жизнь отца. Ни за что на свете.

Поэтому Шахразада медленно улыбнулась, выигрывая время, чтобы взять себя в руки, успокаивающе пожала руку Ирсе и произнесла, скрывая за веселым тоном упрек:

– Полагаю, красота редко заслуживает приложенных к ее завоеванию усилий. Однако я представляю собой не только то, что доступно взгляду, и считаю себя достойной некоторых неудобств.

– Это точно! – расхохотался старик, запрокидывая голову назад. Когда же отсмеялся, весело добавил: – Добро пожаловать в мою скромную обитель, Шахразада аль-Хайзуран. Меня зовут Омар аль-Садик. Пользуйся моим гостеприимством, сколько душе твоей будет угодно, и помни: жена халифа в шелках и бездомная уличная попрошайка равны в моих глазах. Приветствую. – Он слегка поклонился, проводя пальцами по лбу широким жестом.

Шахразада облегченно выдохнула, позволив себе расслабиться, тепло улыбнулась и повторила жест шейха.

Отец Шивы наблюдал за беседой, сохраняя бесстрастное выражение лица и опираясь локтями на выщербленный край

стола, а когда подруга дочери потянулась за куском лаваша, тихим серьезным тоном обратился к ней:

– Шази-джан...

– Да, дядюшка Реза? – вопросительно приподняла брови она, задержав руку над корзинкой с хлебом.

– Я очень рад, что ты здесь, в безопасности... – нерешительно начал отец Шивы.

– А я бесконечно благодарна вам и всем остальным за заботу о моей семье, о моем бедном отце.

– Конечно, – кивнул Реза, наклоняясь вперед и опуская подбородок на сцепленные в замок руки. – Твоя семья – моя семья. Ты всегда была мне как дочь.

– Да, – прошептала Шахразада, – мы с Шивой считали друг друга сестрами.

– Поэтому мне больно спрашивать... – При этих словах вокруг рта Резы залегли глубокие морщины, выдавая озабоченность. – Вчера ты прибыла очень поздно, и я не стал тебя беспокоить, но сегодня более не могу сносить оскорбления.

Шахразада застыла, так и не взяв лаваш. Чувство вины ледяной змеей скользнуло по спине и свернулось клубком в желудке.

– Как ты можешь сидеть со мной за одним столом, деля кров и пищу, пока на твоём пальце сверкает кольцо юнца, убившего мою дочь? – Из голоса мужчины, ставшего вторым отцом, пропал даже намек на тепло.

Обвинение полоснуло по собравшимся, как серп по полю

пшеницы.

Шахразада заморгала и закрыла перстень ладонью, стиснув пальцы так сильно, что герб с двумя перекрещенными саблями врезался в кожу. Так сильно, что стало больно.

– Дядя... – неловко кашлянул Тарик. Звук показался оглушительным во внезапно наступившей тишине. – Дядя Реза...

Нет. Она не могла позволить другим спасти себя. Никогда больше.

– Я... – едва слышно выдавила Шахразада, во рту пересохло. – Я сожалею...

Но она лгала, так как вовсе не сожалела. Только не о своих чувствах. О других вещах – да. О сотнях вещей. О тысячах. О целом городе невысказанных извинений.

Но о чувствах – нет. И никогда не сможет.

– Мне не нужны твои пустые сожаления, – тем же ледяным тоном продолжил Реза. Его голос казался незнакомым, чужим. – Решай.

Бормоча извинения, Шахразада вскочила из-за стола, не успев подумать, и поплелась прочь из шатра под палящее солнце пустыни, цепляясь за остатки достоинства. В обувь тут же набился горячий песок, обжигая щиколотки при каждом шаге и делая ноги неподъемными.

Внезапно большая тяжелая рука легла на плечо Шахразеды, останавливая ее.

Она подняла глаза, заслоняя их ладонью от ослепительно-

го солнца, увидела стража, который ранее не желал пропускать в шатер, и прошептала, едва сдерживая ярость:

– Прочь с дороги, сию же секунду!

Губы противника лениво изогнулись в зловещей ухмылке. Он явно не собирался подчиняться.

Шахразада схватила запястье стража, чтобы оттолкнуть его в сторону.

Полы *риды* из грубой ткани при этом откинулись, обнажая руки до локтя и открывая взгляду отметину на внутренней части предплечья. Метку в виде скарабея. Метку наемников *фидаи*, которые пробрались в покои Шахразеды в Рее и пытались убить ее.

Она ахнула, отпрянула и побежала. Спотыкаясь и не думая ни о чем, кроме стремления оказаться как можно дальше от опасности.

Донесся голос Ирсы, которая окликала сестру, но та не останавливалась до тех пор, пока не оказалась в своем маленьком шатре и не опустила за собой полог. Только тогда Шахразада замерла посреди временного пристанища, подняла правую руку с перстнем к сочившемуся сквозь шов солнечному лучу и стала наблюдать за игрой света на золотом кольце. Сердце бешено колотилось после бега, тяжелое дыхание эхом металось среди матерчатых стен.

«Мне здесь не место, – с отчаянием подумала Шахразада. – Я тут как пленница в тюрьме из песка и солнца. Нужно найти способ обеспечить семье безопасность и выяснить, как

снять проклятие. А потом возвращаться домой, к Халиду».

Увы, она не знала, кому могла доверять. До тех пор, пока не получится выяснить, кем на самом деле является Омар аль-Садик и почему по его поселению свободно перемещается наемник *фидан*, следует соблюдать осторожность. Очевидно, что на Резу бин-Латифа нельзя больше рассчитывать. Взваливать груз своих проблем на Тарика Шахразада тоже не хотела. На нем не должна лежать ответственность за ее семью. Нет. Это ее и только ее обязанность – уберечь родных от опасности.

Взгляд девушки лихорадочно метался от одного предмета к другому, пока не остановился на медном тазике с водой.

«Плыви по течению. Действуй незаметно. Рассказывай истории. Лги. – Не позволяя себе задуматься о чувствах, Шахразада сдернула кольцо с пальца и приказала себе: – Дыши».

Затем закрыла глаза и прислушалась к безмолвному крику сердца.

– Вот ты где, – прервала поток мыслей Ирса.

Она вошла в шатер, опустила за собой полог, молча приблизилась к Шахразаде, не требуя объяснений и не упрекая, развязала бечевку и занялась ее косой. Они посмотрели друг на друга. Ирса взяла кольцо из безвольной руки сестры, продела сквозь него шнурок, после чего, все так же не говоря ни слова, повесила импровизированное ожерелье ей на шею, заправила под ткань *камиса* и сказала:

– Больше никаких секретов.

«Некоторые секреты лучше не знать», – пришли на ум слова Халида – не предупреждение, а напоминание.

Шахразада кивнула сестре, приняв решение сделать все, что потребуется, лишь бы уберечь семью от опасности. Даже если придется для этого солгать Ирсе.

– Что ты хочешь знать?

Всегда

Он был один.

Следовало с умом распорядиться временем, прежде чем повседневные хлопоты украдут эти драгоценные мгновения уединения.

Халид ступил на песок тренировочной площадки и потянулся к *шамширу*, хоть и понимал, что прикосновения отзовутся болью и оставят на ладонях кровавые следы. Да будет так. Это не имело значения.

Секунды безделья – это секунды, когда возвращались темные мысли.

Когда возвращались непрошенные воспоминания.

Сабля выскользнула из ножен с тихим шорохом металла по металлу. Ладони обожгло, пальцы вспыхнули болью. Однако Халид лишь крепче сжал рукоять и тихо выругался, когда глаза заслезились от солнечных лучей, а зрение помутилось.

Чувствительность к свету в последнее время обострилась из-за бессонницы. Вскоре окружающие начнут замечать это обстоятельство. Начнут замечать, что халиф предпочитает бродить в темноте по разрушенным коридорам некогда великолепного дворца, словно привидение.

Факир предупреждал, что подобное поведение многие могут счесть безумием.

Безумный халиф Хорасана. Юнец. Чудовище. Убийца.

Халид зажмурился и позволил мыслям унести в прошлое, хотя пообещал себе этого не делать.

Когда он был семилетним мальчишкой, то часто прятался в тени и наблюдал, как брат Хасан обучался искусству сражения на саблях. Когда отец наконец разрешил младшему сыну присоединиться к наследнику на тренировочной площадке, Халид немало удивился, так как давно привык, что все его просьбы встречают отказ.

– Не помешает и тебе научиться хоть чему-то полезно. Пожалуй, даже ублюдок должен уметь сражаться, – поток упреков отца казался бесконечным.

Единственный же раз, когда он снизошел до похвалы, наступил спустя несколько лет, когда Халид одолел Хасана в битве на саблях. Однако уже на следующий день младшему сыну халифа запретили когда-либо снова тренироваться вместе со старшим.

Отец отправил наследника обучаться к лучшим мастерам.

Одиннадцатилетний Халид же оказался предоставлен самому себе. В ту ночь он поклялся, что добьется звания первого фехтовальщика Хорасана, чтобы продемонстрировать отцу: прошлое не дает ему права лишать сына будущего.

Но нет, для этого потребовалось нечто большее.

И когда он приставил лезвие сабли к горлу отца, тот понял это.

Халид улыбнулся своим детским воспоминаниям, при-

несшим с собой горечь застарелой обиды. Еще одна клятва, которую он не сумел исполнить. Еще один неудавшийся план возмездия.

Почему на ум пришло именно это и именно сегодня? Возможно, дело в тех детях, брате с сестрой. Камьяре и Шиве.

Какая бы прихоть судьбы ни привела Халида к их дверям, она же побудила его остаться вчера и помочь. Он поступал подобным образом уже не в первый раз после грозы: тайно отправлялся в разрушенные районы города под покровом тишины и теней.

Вначале Халид забрел в особенно пострадавший квартал рядом с базаром, чтобы раздать еду раненым, а спустя два дня вернулся, чтобы помочь восстановить стену. Его руки, непривычные к тяжелому физическому труду, покрылись мозолями и кровоточили.

Вчера же халиф впервые провел столько времени в компании детей.

Сначала Камьяр напомнил ему Шахразиду. Настолько, что даже сейчас это вызывало легкую улыбку. Такой же отважный и дерзкий. Ничуть не напуганный незнакомцем. Лучшие и худшие качества Шази.

Но с течением времени стало ясно, что ее дух гораздо ярче проявляется именно в Шиве. Девочка точно так же ничуть не доверяла Халиду и следила за ним краем глаза в ожидании предательства, в ожидании, что он может напасть в любое мгновение. Точно раненое животное, она осторожно приня-

ла еду, не расслабляясь ни на секунду.

Умная, отважная Шива любила своего брата так явно, что Халид даже позавидовал их беззаветной преданности друг другу.

Выше всего он оценил честность детей и очень хотел бы сделать больше для их семьи, чем просто помочь расчистить крошечный дом от последствий разрушения и оставить скромную сумму, но знал, что любых усилий будет недостаточно.

Потому что ничто не могло возместить потерянное.

Халид открыл глаза, повернулся к солнцу спиной и начал разминаться.

Шамиш мелькал на фоне неба, описывая правильные дуги. Лезвие вспыхивало серебром на солнце, рассекая воздух с тихим свистом, пока халиф пытался заглушить мысли.

Но этого было недостаточно.

Халид взялся за рукоятку обеими ладонями и разделил *шамиш* надвое.

Ни один клинок не мог сравниться с лезвиями, выкованными из дамасской стали и закаленными в самом жарком пламени Храма огня. Халид сам заказал это непревзойденное оружие.

Держа сабли в обеих руках, он скользил по песку площадки, взмахивая ими над головой. Металл пел с яростью пустынного ветра. Однако и этого было недостаточно.

По предплечью потекла струйка крови, но Халид ничего

не чувствовал.

Боль от расставания с Шахразадой затмевала все. И, как он подозревал, ничто и никогда не будет ранить сильнее.

– Неужели дела в Хорасане настолько плохи? – слышался голос сзади, но Халид даже не обернулся. – Похоже, казна совсем опустела, – продолжил поддразнивать Джалал, хотя шутки его, помимо обыкновения, звучали довольно натянуто. По-прежнему стоя спиной к нему, Халид вытер окровавленные ладони о концы алого кушака-*тикки*. – Пожалуйста, скажи мне, что сам халиф, царь из царей, все еще может позволить себе купить латные рукавицы. Ну или хотя бы одну перчатку.

Джалал обошел двоюродного брата, встал перед ним и вопросительно изогнул бровь.

Халид вернул *шамшир* в ножны, смерил капитана дворцовой стражи надменным взглядом и заявил:

– Если вам требуется перчатка, то я, пожалуй, приобрету ее для вас, капитан аль-Хури. Но только одну. Я не волшебник, чтобы наколдовать горы золота.

– Я имел в виду, что рукавицы нужны вам, мой повелитель, учитывая состояние рук, – рассмеялся Джалал, крепко сжимая рукоять *скимитара*, после чего уже серьезно спросил, кивнув на окровавленные ладони Халида: – Что случилось?

Тот не ответил, молча натягивая льняную рубаху-*камис* на разгоряченное тело.

– Имеет ли состояние рук отношение к твоим исчезновениям, последнее из которых случилось не далее как вчера? – настойчиво продолжил допытываться Джалал.

В его голосе прорезались раздраженные нотки.

Когда Халид снова промолчал, двоюродный брат подошел вплотную и уже без всякого намека на легкомысленность заявил:

– Послушай, дворец лежит в руинах. Город сильно пострадал. Ты не можешь продолжать исчезать без предупреждения на много часов, особенно в одиночку, без телохранителей. Отец уже почти исчерпал запас отговорок, оправдывая твое отсутствие, а я... я больше не хочу обманывать его. – Джалал провел рукой по копне волнистых волос, лишь растрепав их еще сильнее.

Халид внимательнее взгляделся в лицо двоюродного брата и с тревогой отметил отсутствие привычного выражения напускного самодовольства. Подбородок затеняла отросшая борода, обычно безупречно чистый плащ помялся и испачкался, а пальцы постоянно касались то рукояти сабли, то концов кушака, то ворота одежды, выдавая беспокойство.

За все восемнадцать лет жизни Халид никогда еще не видел Джалала в таком состоянии.

– Что с тобой случилось?

– Тебе правду или как всегда? – расхохотался собеседник слишком громко и фальшиво, чем встревожил Халида еще сильнее, и сложил руки на груди.

– Правду, – вздохнул халиф. – Только не всю сразу.

– Хочешь, чтобы я открыл тебе свои тайны? Не могу не отметить иронии ситуации.

– Не нужны мне твои тайны. Просто расскажи, что у тебя стряслось, и прекрати тратить мое время попусту. А если желаешь сочувствия и утешения, то ищи их в объятиях одной из многочисленных поклонниц, только и ждущих, когда ты обратишь на них внимание.

– В том и дело, – мрачно произнес Джалал, его лицо потемнело. – Даже ты считаешь меня дамским угодником.

– Ступай и прими ванну, – потеряв терпение, прорычал Халид и направился к выходу с площадки.

– Я скоро стану отцом.

Это заявление заставило халифа остановиться. Он так резко развернулся на месте, что в песке образовались глубокие борозды.

Джалал смущенно пожал плечами и неуверенно улыбнулся.

– Ты... Бессовестный идиот, – выдохнул Халид.

– Спасибо на добром слове.

– Ты уже просил руки той несчастной?

– Она не желает даже слышать о свадьбе, – признался Джалал и снова провел рукой по волосам. – Похоже, не только ты заметил, что вокруг меня постоянно вьются поклонницы.

– Эта женщина мне уже нравится. Она, по крайней мере,

извлекла урок из собственных ошибок. — Халид отступил в тень, откинулся на каменную стену и метнул пронзительный взгляд на двоюродного брата.

— И снова спасибо за доброту.

— Доброта не входит в перечень моих положительных качеств.

— Это точно, — невесело рассмеялся Джалал. — Особенно в последнее время. — Он снова посерьезнел и после паузы спросил: — Халид-джан, ты же веришь, что я старался лишь уберечь Шази от опасности, когда узнал про того мальчишку?

— Верю, — тихо, но твердо ответил халиф. — И как уже сказал ранее, нет необходимости снова возвращаться к этому вопросу.

Повисла неловкая тишина. Оба какое-то время молча стояли, глядя под ноги. Затем Халид оттолкнулся от стены и зашагал к выходу с тренировочной площадки, бросив по пути:

— Расскажи обо всем отцу. Он позаботится, чтобы женщина и ребенок ни в чем не нуждались. Если потребуется что-то еще, только попроси.

— Я люблю ее. И думаю, что хочу жениться.

Халид опять замер на месте, но на этот раз не обернулся.

Слова и легкость, с которой они слетали с губ Джалала, больно ранили, заставляя с особой остротой осознать собственные промахи в отношениях с Шахразодой. Служа напоминанием обо всех упущенных возможностях.

Сердце сжалось. Халид позволил заявлению двоюродного брата повиснуть в воздухе, прислушиваясь, правдиво ли оно прозвучало, и наконец уточнил:

– Ты думаешь? Или точно знаешь?

– Думаю, что точно знаю, – после секундного колебания отозвался Джалал.

– Не уклоняйся от ответа, это нечестно. Как по отношению ко мне, так и к матери твоего будущего ребенка.

– Я, наоборот, стараюсь быть честен, – возразил Джалал. – Знаю, что ты высоко ценишь это качество. На данный момент, не имея представления о ее истинных чувствах, это самый правдивый ответ, который я могу дать. Я люблю ее и хочу быть с ней.

– Осторожнее, капитан аль-Хури. Эти слова часто означают разные вещи для разных людей. Убедитесь, что используете верный термин для выражения своих эмоций.

– Не будь занудой, я сказал правду.

– И какое время для тебя это будет являться правдой?

– Сейчас. Только это и имеет значение, верно?

– Легко определить, чего желаешь в конкретный момент, – вздохнул Халид и стиснул челюсти так, что заходили желваки. – Именно поэтому за тобой повсюду бегают целый гарем, а мать твоего будущего ребенка не хочет даже слышать о свадьбе. – Он продолжил путь ко дворцу.

– Тогда каков правильный ответ, о мой мудрый повелитель? Что я должен был сказать? – раздраженно крикнул

Джалал вслед халифу.

– Всегда.

– Всегда?

– И даже не смей вновь поднимать эту тему, пока не уверен, что будешь любить ту женщину до конца жизни.

Истории и тайны

Ирса зажала рот обеими ладонями, чтобы заглушить удивленный возглас.

Она с изумлением наблюдала, как сестра заставляла двигаться потрепанный коврик по кругу внутри шатра лишь с помощью легкого направляющего касания.

Волшебный предмет струился по воздуху с грацией облетающей листвы. В конце концов Шахразада легким взмахом руки вернула коврик обратно на пол и вопросительно посмотрела на Ирсу:

– Ну как?

– Милостивые небеса, – выдохнула та, садясь рядом со старшей сестрой. – Это маг из Храма огня тебя научил?

– Муса-эфенди только подарил мне ковер, – отрицательно покачала головой Шахразада. – А также сказал, что я унаследовала способности от *баба*. Нужно разыскать храм, чтобы спросить мага... еще много о чем.

– Значит, ты собираешься покинуть нас?

– Да, – кивнула Шахразада. – Как только сумею убедиться в вашей безопасности и придумать способ путешествовать скрытно.

– Может... – Ирса замялась. – Может, когда ты отыщешь Мусу-эфенди, то спросишь и о *баба*? Учитывая, что он... – она осеклась, не желая заканчивать мысль, так беспокоив-

шую обеих сестер.

О том, что отец никогда не оправится от последствий обрушившегося на него во время грозы несчастья.

«Что будет с ними, если он умрет? Что будет с ней?»

Ирса обхватила колени руками и упрекнула себя за столь эгоистичные мысли тогда, когда лишения коснулись почти всех. Сейчас не время и не место беспокоиться о собственной судьбе. Особенно пока есть другие, о ком следует беспокоиться. Особенно пока *баба* не очнулся.

Шахразада наклонилась, чтобы убрать коврик, и висящее на шее кольцо выскользнуло из-под одежды. Оно было надежно спрятано от посторонних глаз, однако Ирса не удержалась и спросила:

– Как ты могла простить халифа, Шази? После всего, что он сделал с Шивой. И с остальными девушками?

Сестра замерла, потом одним плавным движением обернулась к Ирсе и осведомилась, взяв ее ладони в свои:

– Ты доверяешь мне, Сверчок?

Сверчок. Она ненавидела это прозвище с самого детства. Оно служило напоминанием о тех временах, когда Ирса была совсем девчонкой с тонкими ножками и скрипучим голосом. Шахразада единственная могла использовать это ужасное слово, не опасаясь немедленного возмездия.

Уже в который раз за последние несколько минут Ирса пытливо взглянула в лицо старшей сестры, стараясь прочесть на нем ответы, что же творилось у той в потаенных

уголках души. За прошедшие короткие месяцы, проведенные во дворце, Шахразада изменилась, хотя и осталась такой же красавицей, как раньше. Наверное, посторонние люди и вовсе не заметили бы разницы, но Ирса видела, что сестра слегка осунулась и побледнела. К счастью, она по-прежнему упрямо выпячивала подбородок и задирала нос. Но отказывалась говорить, почему в ее ореховых глазах время от времени мелькали тени.

Вот и сейчас в свете ближайшей лампы взгляд Шахразады таинственно мерцал. Ее радужки постоянно меняли оттенок. Как менялось и ее настроение. В одну секунду сестра могла смеяться и готовить очередную шалость, а в другую – стать абсолютно серьезной и непреклонной, способной сразиться со смертью и победить.

Никогда нельзя было точно предсказать, чего ждать от Шахразады. Однако ей всегда можно было доверять. По крайней мере, Ирса доверяла.

– Конечно же, да, – кивнула она. – Неужели ты не в состоянии поведать...

– Это не мой секрет, Сверчок, – вздохнула Шахразада, заставив сестру закусить губу и отвести взгляд. – Извини. Я и сама ничего не хочу от тебя скрывать, но просто не смогу вынести, если тебе навредят в попытках выведать опасную тайну.

– Я не такая беспомощная, как ты думаешь, – фыркнула Ирса, отстраняясь.

– Я никогда такого и не говорила.

– Некоторые вещи не обязательно произносить вслух, – слегка усмехнулась она. – Например, я и так вижу твои чувства к Халиду ибн аль-Рашиду. А ты и так знаешь, что после твоей свадьбы я каждый день засыпала в слезах. Любовь говорит громче любых слов. – В ответ сестра лишь молча заморгала и подтянула колени к груди. Ирса вздохнула про себя и начала собирать в мешочек травы для чая. – Пойдешь со мной навестить отца?

Шахразада молча кивнула, поднимаясь на ноги.

По поселению бедуинов гулял горячий ветер, бросая песок на хлопающие стенки шатров. Ирса убрала косу под одежду, чтобы волосы не били по лицу.

Шахразада не успела последовать примеру сестры и теперь изрыгала проклятия, так как распущенные черные пряди хлестали по щекам, лезли в глаза, взлетали над головой, путаясь и мешаясь.

– Кто научил тебя так ругаться? – с трудом пряча усмешку, спросила Ирса. – Неужели халиф?

– Ненавижу это место!

– Скоро привыкнешь, – прокомментировала она, хотя нежелание Шахразады отвечать даже на самый безобидный вопрос расстраивало. – На самом деле здесь не так плохо. – Проигнорировав укол обиды, Ирса взяла сестру под локоть и прижалась к ней.

– Почему из всех заброшенных мест мы должны были ока-

заться в этой пустыне? Почему старый шейх бедуинов согласился предоставить нам убежище? – спросила Шахразада настолько тихо, насколько позволял завывающий ветер.

– Меня не посвятили в детали. Я лишь знаю, что он продал дяде Резе лошадей и оружие. Это племя торгует и тем, и тем. Может, именно поэтому нам позволили остаться в поселении? – Ирса замолчала, так как ей в голову пришла новая мысль. – Или все дело в их близком знакомстве с Тариком. Шейх относится к нему, как к родному сыну.

– Разве Омар аль-Садик не предоставил своих воинов и не присоединился к планированию восстания? – в замешательстве нахмурилась Шахразада.

– Мне кажется, нет, – покачала головой Ирса. – Сообщу тебе все детали, как только меня позовут на следующий военный совет.

Шахразада фыркнула и в сотый раз заправила непокорные пряди за уши.

Пока они шли к шатру отца, Ирса заметила, что сестра внимательно осматривает окрестности и проследила за ее взглядом. Чуть поодаль виднелась высокая фигура паренька, который не менее пристально наблюдал за ними.

– Кто это? – ткнула Шахразада младшую сестру в бок острым локтем.

– Эй, поаккуратнее! – не осталась в долгу Ирса. – Ты имеешь в виду Паука?

– Кого?

– Ну, это я его так зову из-за длинных рук и ног, а еще из-за манеры затаиваться в самых неожиданных местах. Он приехал вместе с эмиром Кереджа. Кажется, Паук – его настоящее имя Теймур или Тайвар – приходится ему дальним родственником.

– Этот Паук выглядит слегка... настораживающе.

– Он странный, но безобидный, – нахмурилась Ирса.

Шахразада поджала губы, но промолчала.

Они нырнули в небольшой шатер, где лежал отец. По иссушающей дневной жаре темнота замкнутого нагретого помещения казалась еще более удушающей, чем утром. Ирса приготовила новый стакан с чаем, пока Шахразада зажгла масляную лампу. *Баба́* сумел проглотить теплый напиток, после чего повернулся на бок, все так же невнятно что-то бормоча и прижимая к себе странную книгу.

– Отец весь вспотел, – прокомментировала Шахразада, обмахиваясь ладонью. – Нужно сменить на нем одежду и обтереть хотя бы шею влажной тряпкой.

Ирса налила прохладную воду в глиняную миску, достала чистые отрезы ткани, намочила их и спросила:

– Ты расскажешь ему о волшебном ковре? Уверена, отец будет счастлив, что передал тебе магические способности. – Ирса улыбнулась, отжимая тряпицу.

– *Баба́*? – выдохнула Шахразада, склоняясь над его телом.

На ее озадаченном лице промелькнуло какое-то странное выражение. Тревога?

Ирса уронила тряпку и поспешила к отцу.

– Что случилось? Он пришел в себя?

– Нет... – покачала головой Шахразада. – Кажется, я услышала что-то снаружи, но, похоже, ошиблась. – Она приподняла уголки губ в слабой улыбке. – Наверное, это пустыня подшутила над моим утомленным разумом. Ты протри лицо отца, а я займусь его руками.

– Уверена? – уточнила Ирса.

– Вполне, – последовал твердый ответ с явным намеком не настаивать.

Они молча стали протирать влажными тряпками тело отца.

Хотя Ирса и послушалась сестру, но знала, что та лжет, и вернулась к расспросам, как только они вышли из шатра.

– Что случилось? Скажи правду, Шази, или я...

– Думаю, что слышала, как кто-то бродит снаружи, – схватив Ирсу за запястье и притянув к себе ближе, тихо ответила сестра. – И не хотела обсуждать ничего важного в чужом присутствии.

– Полагаешь, кто-то за нами шпионит? – прошептала Ирса, хотя и не представляла, зачем кому-то понадобилось подслушивать их разговоры.

– Не знаю. Возможно.

Прижав к груди вещи, Ирса ускорила шаг, затравленно озираясь по сторонам. За несколько недель в поселении бедуинов она ни разу еще не чувствовала себя в опасности. Ни

на миг. Чаще всего по утрам она возилась с детьми Аиши, а после обеда училась скакать на лошади, как настоящий бе-дуин, под присмотром Рахима.

Кто мог угрожать двум обычным девушкам незнатного происхождения?

Ирса покосилась на сестру, вспомнив, что та уже не просто дочь хранителя библиотеки, а жена халифа Хорасана. И настоящий подарок для его врагов. Которых накопилось немало.

Но нет, это слишком невероятное предположение. В конце концов, Шахразада появилась в поселении только вчера. Ей просто почудилось. Неудивительно, что она стала подозрительной после жизни бок о бок с чудовищем, когда приходилось каждый день опасаться, увидишь ли завтрашний рассвет.

Успокоив себя таким образом, Ирса проскользнула в свой шатер, тут же почувствовала, как на шее смыкаются чьи-то потные ладони, и придушенно взвизгнула.

Длинные пальцы нападавшего сжались сильнее, кожу опалило его дыхание.

– На твоём месте должна была оказаться твоя сестра, – прошептал на ухо мужской голос. – Прости.

Ирса заморгала, чтобы глаза быстрее привыкли к полумраку, увидела перед собой Паука и воскликнула:

– Что ты делаешь?

– Отпусти ее, – велела Шахразада, появляясь в проеме

шатра.

Ее лицо превратилось в бесстрастную маску, но глаза сверкали неукротимым гневом. Ладонь сестра держала на рукояти украшенного драгоценными камнями кинжала и вела себя так, словно ожидала нападения.

Эта мысль заставила Ирсу похолодеть.

– Вы приказываете мне, госпожа? – прошипел Паук.

– Нет, обещаю.

– И что же?

– Если ты отпустишь мою сестру, то я останусь здесь, выслушаю все твои претензии и постараюсь их развеять, если сумею. – Шахразада слегка наклонила голову. – Клянусь.

– Я не верю пустым обещаниям, – выкрикнул Паук, обдав шую Ирсу горячим дыханием.

Она чувствовала, как парень дрожит.

– В этом случае следует сделать исключение, – угрожающе произнесла Шахразада, подходя на шаг ближе, – потому что я также обещаю, если не отпустишь мою сестру, уже ты будешь выслушивать мои претензии. А я предпочитаю доносить их не словами, а кулаками и сталью.

– Не удивлен, – хрипло рассмеялся Паук. – Какая еще может быть шлюха у кровожадного чудовища.

Шахразада вздрогнула. Иrsa поняла, что оскорбление попало в цель, и при виде боли на лице сестры начала яростно вырываться.

Паук усилил хватку на шее заложницы, и та стала зады-

хаться.

– Отпусти ее! – воскликнула Шази, поднимая руки как знак, что сдается.

– Отдай свой кинжал.

– Отпусти ее, и я все сделаю. – Она вытащила клинок из ножен.

– Сначала ты! – прорычал Паук, еще сильнее стискивая шею Ирсы.

– Ша...зи... – прохрипела та.

– Я отдам кинжал! – пообещала Шахразада, по ее лбу скатилась капля пота. – Только отпусти сестру. Это со мной ты желаешь свести счеты.

– Брось оружие, и Ирса может идти. Но если она только попробует привести кого-то или если я услышу поблизости голос Белого сокола, то сразу убью тебя.

– Она не будет звать на помощь, – бросив под ноги кинжал, заверила Шахразада. – И вообще ничего не станет делать.

Ирса почувствовала одновременно облегчение, когда хватка на горле ослабла, и обиду от того, что сестра считала ее ни на что не способной. Совершенно, абсолютно бесполезной. И, по правде говоря, имела на то основания.

– Подтолкни кинжал ко мне, и я отпущу ее, – почти разомкнув пальцы, велел Паук.

Шахразада ободряюще кивнула Ирсе и выполнила его требование.

Он выпустил заложницу и подтолкнул ее к выходу.

Она нерешительно посмотрела на старшую сестру, и та взглядом попросила бежать.

Ирса хотела остаться. Хотела вмешаться и уговорить Паука образумиться. Но она боялась и не знала, чем может помочь, кроме как тщетно умолять жестокого парня. Из-за нее Шахразада уже лишилась кинжала.

Поэтому Ирса выбежала под палящее солнце, смирив беснующееся сердце и растоптанную гордость, и принялась озираться в поисках того, к кому должна была обратиться за помощью. В поисках высокого юноши с широкими плечами, пронзительным взглядом и улыбкой, подобной летнему полдню. Юноши, который любил Шахразаду с тех пор, как они оба еще были детьми. Юноши, который сразу начнет действовать и лишь потом станет задавать вопросы.

Тарик разберется, как помочь. Он свернет тощую шею Паука.

Едва соображая из-за стучащей в висках крови и спотыкаясь на каждом шагу, Ирса побежала сквозь песок к шатру со знаменем Белого сокола. Кто-то окликнул ее.

Знакомый голос юноши, которого она *хотела* найти. Юноши, чье лицо искала среди других снова и снова. Но нет, сейчас требовалась помощь решительного и безрассудного Тарика, а не его осмотрительного друга.

– Ирса? – снова окликнул ее Рахим, нагоняя девушку и подстраиваясь под ее шаг. – Почему ты бежишь?

– Где Тарик? – задыхаясь, спросила она.

– Отправился на разведку в соседние земли, – проинформировал собеседник, затем заступил Ирсе путь и подозрительно прищурился. – А в чем дело? Что-то случилось?

– Нет, я просто... – выпалила она, покачав головой, и принялась в отчаянии озираться. – Мне нужен Тарик!

– Но зачем?

– Потому что необходимо действовать! – порывисто выдохнула Ирса, пытаясь обойти Рахима. – Необходимо хоть что-то предпринять. Ты не понимаешь... Шази...

– Скажи, что нужно сделать, – решительно потребовал он, беря девушку за плечи.

Его прикосновение странным образом успокаивало, придавало сил.

Но нет. Ни один из них не обладал лидерскими качествами. Они оба следовали приказам. Рахим слушал Тарика, а сама Ирса... она была той, кто всегда убегала. Той, кто не могла ничего, кроме как спасать собственную шкуру.

Следовало схватить кинжал Шази. Или сделать хоть что-то.

Почувствовав оглушающее чувство вины, Ирса задрожала, несмотря на палящий зной солнца. Затем ощутила ободряющее прикосновение Рахима, придававшее сил, и выпрямилась, сжимая руки в кулаки.

Шази бы ни за что не уступила страху. И точно не стала бы дрожать и мяться в нерешительности, как никчемная раз-

мазня, а начала бы действовать. Бросилась бы в бой и сражалась насмерть. И проявила бы при этом смекалку, как умела только она.

По-прежнему трясясь всем телом, Ирса все же смогла ровным тоном произнести, пока в голове начал формироваться план:

– Тарик забрал с собой сокола?

– Нет, – с легким недоумением ответил Рахим. – Зорайя уже облетела земли утром, поэтому он оставил птицу отдыхать.

– Я должна кое о чем попросить, – глубоко вдохнув, выпалила Ирса. – Поможешь мне?

Рахим молча кивнул.

Настала пора действовать.

Роковая черта

Шахразада отказывалась бояться нескладного парнишки, который стоял перед ней.

В другое время – в прошлой жизни – она могла бы даже пожалеть его.

Но этот болван переступил роковую черту: он угрожал Ирсе.

А сейчас направил оружие на саму Шахразу, пусть кинжал в его руках и подрагивал.

«Действуй незаметно».

– Как тебя зовут? – спокойным тоном поинтересовалась она.

– Здесь я буду задавать вопросы, – сквозь зубы прошипел Паук и начал обходить собеседницу по дуге, уже не скрывая волнения. Шахразада стояла неподвижно, наблюдая, как его лицо с клочковатой редкой бородкой то скрывается в тени, то появляется, освещенное попадающими внутрь лучами солнца. – Как?

– Прошу прощения? – сцепив руки в замок за спиной, недоуменно приподняла брови Шахразу.

– Как ты сумела выжить?

– Я рассказывала сказки, – осторожно подбирая каждое слово, ответила она.

– Рассказывала сказки? – замерев на полушаге, переспро-

сил Паук. На его лице было написано презрение. – Ты думаешь, я поверю, что халиф, это кровожадное чудовище, оставил тебя в живых лишь благодаря интересным историям?

– Верь во что пожелаешь, – бросила в сторону противника уничижительный взгляд Шахразада. – Доказательство стоит прямо перед тобой.

– Пытаешься меня спровоцировать? – фыркнул Паук так резко, что она едва не вздрогнула. – Неужели ты и в самом деле настолько глупа?

– Я не пытаюсь спровоцировать тебя... – примирительным жестом выставила перед собой ладони Шахразада и сделала многозначительную паузу, терпеливо ожидая, заглоти ли собеседник наживку.

– Теймур. Меня зовут Теймур.

– Я не пытаюсь спровоцировать тебя, Теймур, – повторила она и осторожно улыбнулась. – Лишь хочу понять.

Шахразада осознала, что неудачно подобрала слова, когда заметила вспыхнувшую на лице Паука ярость.

– Понять меня? – прорычал он. – Тебе это не удастся!

– Только скажи...

Теймур бросился на Шахразаду и сомкнул длинные пальцы у нее на горле, подобно железному обручу. Она вцепилась в запястье нападавшего, пытаясь ослабить захват, и бесстрашно встретила полный бешенства взгляд. Шахразада не боялась и не собиралась сдаваться. Этот тощий, нескладный юнец был напуган куда сильнее, чем она. По его лицу градом

лился пот.

– Как ты можешь понять? – Теймур трясся всем телом, его голос дрожал и срывался. – Ты жива. Это чудовище тебя пощадило!

Другой рукой он приставил кончик кинжала к горлу Шахразады, хотя лезвие пока скрывалось в украшенных драгоценными камнями ножнах.

– Где ты взяла это оружие? – спросил Теймур, разглядывая изысканную гравировку.

Он провел большим пальцем по жемчугу и гранатам, инкрустированным в рукоять. Изумруды у основания блеснули зеленым.

– Теймур...

– Кинжал принадлежал халифу? – Противник вновь посмотрел на Шахразаду. – Это он дал тебе это оружие? – Она промолчала. – Отвечай! – Он сжал ее горло сильнее. – Ты обещала ответить!

– Да, это он дал мне кинжал.

– Что, если я убью тебя им? – голос Теймура упал до шепота. – Как халиф убил Ройю.

Шахразада нервно сглотнула. Она помнила это имя.

Одно из многих имен среди моря разбросанных писем. Среди бури воспоминаний.

– Мне очень жаль.

– Не смей извиняться! – Теймур еще сильнее сжал пальцы на ее шее.

Его боль передалась Шахразаде, проникла ей в сердце и разбередила рану, которая никогда не затянется.

Шива.

– Тогда что ты хочешь от меня услышать? – тихо спросила Шахразада и зажмурилась, не давая своей собственной боли выплеснуться, стремясь сдержать поток горя еще хоть на мгновение.

– Правду.

– Что ты желаешь узнать? – с трудом сглотнула она снова.

– На чьей ты стороне. И важна ли Халиду ибн аль-Рашиду. – Теймур выплюнул имя халифа как проклятие. – Он любит тебя?

– Я не могу судить о его чувствах, – озвучила полуправду Шахразада, решив держаться до последнего. В онемевшие пальцы возвращалась чувствительность. – Он держит их при себе.

– Тогда скажи о своих. Ты любишь это чудовище?

– Нет, – стиснув зубы, солгала девушка.

– Значит, ты по-прежнему принадлежишь Белому соколу?

– Еще вопрос, кто кому принадлежит.

– Куда устремлены твои помыслы и сердце, Шахразада аль-Хайзуран? – резко и настойчиво спросил Теймур.

«В переулок рядом с базаром. В ночь забвения. К обещанию завтрашнего дня», – подумала она, однако вслух сказала:

– К Тарику Имрану аль-Зийяду. – Ложь обжигала язык. –

И так будет всегда.

Шахразада закрыла глаза, боясь, что взгляд выдаст правду.

Теймур прерывисто вздохнул. У него клокотало в груди, и он сократил пространство между их телами. Воцарилось молчание. Шахразада ощутила, как в сердце разгорается беспокойство.

Теймур притянул ее ближе к себе. Слишком близко. Его горячее дыхание обжигало кожу на лбу.

– Это чудовище... обидело Ройю?

Возможно, из-за близости их тел Шахразада поняла, что паренек подразумевал под этими словами, и почувствовала прилив ужаса. Она широко распахнула глаза и заверила:

– Нет, он и пальцем ее не тронул.

Теймур внимательно рассматривал пленницу в напряженном молчании, находясь так близко, что наверняка видел, как сильно бьется жилка у нее на шее.

– Ты рассказывала халифу сказки. Не пытаешься ли провернуть тот же самый трюк и со мной?

Шахразада слышала, как с каждым словом решимость противника крепла, и понимала, что нужно действовать. Она сбросила его руку, ударила кулаком в плечо и приготовилась бежать, однако Теймур с неожиданной ловкостью перехватил девушку и сделал подсечку, повалив на пол.

Шахразада упала со всего размаха и задохнулась от резкой боли в боку, впервые испытав страх, который накрыл хо-

лодной волной. Этот тощий хорек оказался слишком силен и жилист. Раз нельзя одолеть его в сражении, нужно попытаться урезонить.

Хотя существовал и иной способ: обмануть, запутать.

Вслед за волной страха последовал прилив гнева. Шахразада впилась ногтями в запястье Теймура, державшего ее за шею, больше не испытывая к нему ни капли сочувствия. Капля сострадания растворилась в море ярости.

Роковая черта превратилась в бездонную пропасть.

Этот не ставший еще мужчиной юнец вызвал к жизни самый древний страх, инстинктивный ужас жертвы перед хищником. Ужас, который давно уже прятался в дальнем уголке сознания Шахразеды.

– Что ты задумал, Теймур? – отчаянно стараясь, чтобы голос прозвучал спокойно, спросила она.

На лице юнца отражалась внутренняя борьба, пока он смотрел на свою жертву. Сквозь триумф от одержанной в схватке победы проглядывали страх и неуверенность.

Шахразада не собиралась молча лежать и ждать исхода этого сражения.

– Планируешь взять меня силой? – потребовала она ответа. – Или пытаешься только припугнуть? Чего ты хочешь добиться с помощью столь примитивного злодеяния?

Теймур заморгал, явно не ожидав от жертвы такой смелости и присутствия духа. Или просто удивился, что она озвучила его постыдные намерения.

Шахразада понимала, что зря дразнит юнца. Знала, что может лишь подтолкнуть его к решительным действиям. Но не могла – и не хотела – молча сдаться на милость этому трусу. Она будет сражаться до последнего вздоха.

Пару мгновений Теймур колебался, однако потом стиснул зубы, всем телом навалился на Шахразаду, с удивительным проворством вытащил кинжал из ножен и приставил острие к ее горлу.

– Думаю, халиф все же испытывает к тебе чувства, иначе вряд ли оставил бы в живых.

– Халид ибн аль-Рашид мало что ценит, – спокойно сказала она, решив сосредоточиться не на прикосновении холодной стали к коже, а на своем гневе. – Какое-то время я его забавляла. Не ищи иного объяснения. Ты и сам сказал: он настоящее чудовище, – кипящая ярость выплескивалась в каждом произнесенном слове.

– Ты пытаешься меня обмануть. Значит, утверждаешь, что халиф Хорасана ничего не почувствует, если тебе кто-то навредит?

– Как я упомянула ранее, мне неизвестны его эмоции.

– Ты ждешь, что я поверю, будто могущественный царь из царей не рассердится за причиненный его жене ущерб?

«Нет, – подумала Шахразада. – Халид захочет переломать тебе все кости за нападение на меня». Однако вслух сказала, смерив собеседника ледяным взглядом:

– Если ты считаешь, что Ройя одобрила бы твои действия

в данный момент, то любые мои слова не имеют значения. — Она проглотила застрявший в горле ком и закончила: — Однако мне сложно представить, что какая-либо девушка, достойная столь горячей любви, могла бы оправдать подобную жестокость.

Хватка Теймура на шее Шахразады ослабла, на худом лице промелькнуло отчаяние, узкие плечи поникли. На мгновение стало заметно, насколько парнишка любил Ройю. И насколько потерял себя, потеряв ее.

Но это не могло служить оправданием его нынешнему поступку. Для таких поступков не существует оправданий.

Пока Теймур сражался с внутренними демонами, Шахразада решила закрепить успех и обезоружить противника не только словами, но и действиями. Она выпростала из-под его тела одну руку и принялась шарить вокруг в поисках увесистого предмета: камня, палки, графина, миски — чего угодно... И вскоре нащупала — что? Полоску сушеного мяса?

Теймур пребывал в задумчивости, почти убрав пальцы с горла Шахразады, и она осмелилась отвести взгляд в сторону, быстро осмотрев шатер. Даже в тусклом свете на полу можно было заметить несколько полосок сушеного мяса, подсунутых под матерчатую стенку. Они напоминали те, которыми Тарик угощал Зорайю.

«Это что, предложение таким образом приманить сокола?»

Подобный план совсем не походил на то, что мог бы при-

думать порывистый сын эмира. Если бы он знал, что творится в шатре, то порвал бы его на тонкие лоскуты и повесил на них Теймура. Смелый – вплоть до безрассудства – Тарик с презрением отнесся бы к любому плану, требовавшему скрытного нападения. И точно не отправил бы вместо себя Зорайю.

Но если эта глупая затея принадлежала не Тарику, то тогда кому?

Шахразада обвела взглядом стены шатра, раздраженно подумав: «И где носит эту проклятую птицу?»

Но нельзя спорить, что этот план по отвлечению внимания противника был один из самых необычных на ее памяти.

Шахразада стиснула в кулаке полоску сушеного мяса и молниеносно, как мангуст бросается на кобру, засунула угощение для сокола за ворот *камиса* Теймура. Тот на мгновение ошарашенно застыл, после чего отбросил кинжал и принялся обеими руками бить себя по затылку, словно пытался раздавить случайно залезшее под рубаху насекомое.

В эту секунду в шатер сквозь проем влетела Зорайя и оперенной молнией метнулась напрямик к Теймуру, часто взмахивая крыльями, пронзительно крича и полосуюя его острыми когтями в попытке добраться до лакомства. Парнишка взвизгнул и свалился с Шахразады, безуспешно стараясь уклониться от нападения.

Та быстро подобрала вторую полоску сушеного мяса, но не успела придумать что-либо еще, как в шатер ворвался Ра-

хим аль-Дин Валад. По пятам за ним следовала Ирса, зажав в кулаке еще несколько соколиных угощений.

– Уходите, – велел Рахим, помогая Шахразаде подняться, после чего с суровым видом обнажил свой *скимитар*. – Вы обе.

– Я останусь здесь, – неожиданно твердо возразила Ирса, – до тех пор, пока не буду уверена, что вы в безопасности.

Шахразада тоже отказалась уходить и бросила на Рахима яростный взгляд, когда тот попытался настоять на своем. В конце концов юноша тихо выругался, отступил в сторону, держа *скимитар* наготове, и скомандовал:

– Зорайя, назад!

Увидев, что птица проигнорировала приказ, Шахразада тихо свистнула.

Соколица издала протестующий крик, но перестала нападать на Теймура. Тот сжался в дрожащий клубок на полу, заслоняя руками лицо. Все открытые участки тела были покрыты царапинами. На штанах расплывалось мокрое пятно. В воздухе стоял едкий запах мочи.

Сохранив бесстрастное выражение лица, Шахразада наклонилась, чтобы подобрать кинжал, а затем протянула заслуженное лакомство Зорайе. Птица схватила полоску мяса и приземлилась рядом, распахнув серо-сизые крылья, как оберегающая тень.

– Только посмей еще хоть раз ко мне прикоснуться, и я оторву твое жалкое подобие мужского достоинства и скорм-

лю соколу, – процедила Шахразада и смирив Теймура угрозжающим взглядом, после чего поднесла обнаженный кинжал к лицу обидчика и добавила: – И даже не вздумай еще раз посмотреть в сторону моей сестры – тогда я сразу тебя прикончу.

Врата между мирами

Шахразада точно знала, что спит.

Но ее это не волновало.

Потому что она была дома.

Босые ступни привычно касались прохладного каменного пола, пока девушка шагала по коридору к своей комнате. Застыв перед дверью, Шахразада взялась за ручку, чувствуя, как колотится сердце, и наконец вошла.

Внутри царил полумрак. Все помещение тонуло в темно-синих тенях, которые заставляли ощущать прохладу вне зависимости от реальной температуры.

Над мраморным полом от стены до стены клубился туман. Его завитки доходили почти до пояса, напоминая густой белый дым.

Когда Шахразада сделала шаг вперед, пелена расступилась перед ней, будто призрачное море перед носом корабля.

В центре комнаты мерцало теплое сияние. Оно висело в воздухе над кроватью, как молчаливый страж, окруженный полупрозрачной тканью.

А на возвышении, среди подушек, виднелась сидящая фигура, скрытая в тенях.

– Халид?

Шахразада ускорила шаг, не сводя взгляда с синей тьмы и полупрозрачной завесы. Пытаясь рассмотреть лицо, которое

так жаждала увидеть.

Фигура повернулась. Отодвинула в сторону похожую на паутину ткань.

– Нет, Шази-джан. Я – не он. Надеюсь, ты простишь меня за это вторжение. – На таких знакомых губах играла мудрая улыбка, в которой читалось знание всех секретов прошлого, настоящего и будущего.

Шахразада запнулась и едва сумела сдержать изумленный возглас.

От возвышения с разноцветными подушками донесся мелодичный смех, настолько родной и полный света, что сердце запело, откликаясь.

Сколько времени она мечтала услышать этот звук еще хоть раз? Была готова даже убить ради этого.

– Шива? – недоверчиво прошептала Шахразада, обходя кровать и протягивая руку к полупрозрачной занавеси.

– Садись рядом, – предложила подруга, приглашающе хлопав ладонью по постели.

Откинув разделяющую их ткань трясущимися руками, Шахразада опустилась на подушки. Она не смела отвести взгляда от Шивы, ожидая, что та исчезнет в любой момент.

Ожидая, что в любой момент снова обрушится всеобъемлющая пустота.

Лучшая подруга улыбнулась, озорно и весело, совсем как при жизни. На левой щеке, как всегда, обозначилась ямочка, совершенная в своем несовершенстве.

Эта картина отозвалась в сердце Шахразады новым приступом горя. Как она понимала, что спит, так знала и то, что рано или поздно предстоит пробудиться.

И принять тот факт, что Шива – всего лишь обман разума.

Подруга снова улыбнулась и заправила за ухо прядь темных волос, струившихся по спине.

– Глупости. То, что ты спишь, вовсе не значит, что это обман.

– Теперь ты живешь в моем сознании? – парировала Шахразада.

– Конечно! Я всегда здесь была, – кивнула Шива и положила подбородок на согнутое колено. – Просто ждала, пока понадобится тебе.

– Но... – Шахразада поймала себя на том, что начинает злиться. – Я так часто нуждалась в тебе.

– Неправда. Я наблюдала за тобой. Ты прекрасно справлялась сама. – Глаза Шивы сияли от гордости.

– Но это совсем не так, – возразила Шахразада. – Я совершила столько ошибок. Влюбилась в того, кто виноват в твоей смерти.

– Верно. Иногда мне бывало тяжело наблюдать. Особенно в то утро, когда ты едва не погибла.

– Я предала твою память.

– Вовсе нет. Я же наблюдала все это время, помнишь? И должна кое в чем признаться... – Шива отвела взгляд, в ее глазах блеснуло лукавство. – В то утро, когда Халид бежал к

тебе, я поняла, что ты спасешь его так же, как он спас тебя.

Она протянула руку и взяла ладонь Шахразады. Та едва не подпрыгнула, ощутив тепло прикосновения. Оно казалось таким настоящим. Как наяву.

Шива опять улыбнулась и подалась вперед с гибкой грацией, переплетая их пальцы и сжимая их.

– Все кажется точно таким, как ты запомнила. Приятно осознавать, что я останусь в твоём сердце как тёплый и совершенный в своём несовершенстве человек.

Какое-то время Шахразада не могла вымолвить ни слова из-за кома в горле. Потом она сумела отогнать подступавшие слезы и проговорить:

– Прости, что я полюбила его, Шива-джан. Прости за эту слабость.

– Какая глупость – извиняться за чувства! – Изящные, кукольные черты лица подруги исказил гнев. – Ты должна понимать это лучше всех. Никогда больше не смей нести подобную чушь! Сама знаешь, что будет, если меня послушаешься, – она потрясла кулаком перед лицом собеседницы и весело расхохоталась, воскресив в памяти детские ссоры и драки.

Шахразада невольно рассмеялась, и их голоса наполнили пространство весельем.

Но оно угасло так же внезапно, как возникло.

– Я не хочу просыпаться, – прошептала она, прислушиваясь к шумам другой жизни, доносившимся из-за двуствор-

чатых дверей. Из-за врат между мирами.

– И я не хочу, чтобы ты просыпалась, – вздохнула Шива. – Однако это все равно случится.

– Может, нам обоим лучше остаться здесь?

– Я так не думаю, – с легкой грустью улыбнулась подруга. – В конце концов, ты искала не меня, когда оказалась тут. А Халида. – Она произнесла это без осуждения, просто озвучив очевидное.

Шива всегда была такой – прямолинейной, но не способной на жестокость. Редкая черта в людях. Лучшая черта в друге.

Шахразада отвела взгляд.

– Я... Я не знаю, смогу ли когда-либо снова увидеться с Халидом. Из-за проклятия...

– Тогда ты должна разрушить его, – перебила Шива. – Это не обсуждается. Осталось понять, как это сделать. У тебя уже есть план?

Хотя Шахразада намеревалась в ближайшее время отправиться на поиски Мусы Сарагосы именно с этой целью, она ничего не ответила, так как не представляла, с чего начать. Еще с детства многое в ее жизни происходило спонтанно, по наитию. Или из чистого упрямства.

Из них двоих именно Шива предпочитала все планировать наперед.

– Видишь? – фыркнула подруга, ее лицо просветлело. – Поэтому я и явилась к тебе сегодня, Шази-джан. Ты запута-

лась и не понимаешь, что делать. Надо это исправить.

– Не представляю, с чего начать, – призналась Шахразада, наблюдая за туманом, который поднимался все выше и выше, к потолку, постепенно смыкая призрачные пальцы на возвышении с кроватью, обвиваясь вокруг единственного источника света над головой.

– Почему бы не начать с того, чтобы озвучить свое самое заветное желание?

Осмелится ли Шахразада произнести его? После стольких смертей, после рек пролитой крови, после бессмысленных разрушений оно казалось верхом эгоизма.

Все равно что построить дом на горе костей.

– Ну ты и зануда, – шутливо подтолкнула ее Шива. – Это твой сон, гусыня! Если где и высказывать свое заветное желание, то здесь.

Шахразада увидела свое отражение в глазах подруги: призрак той уверенной девушки, которой когда-то являлась. Теперь же она сутулилась, стремилась сбежать. Сбежать от себя, сбежать от жизни.

– Я хочу быть с Халидом, – расправив плечи, заявила Шахразада. – Хочу, чтобы отец поправился. И хочу... хочу снять проклятие.

– Так-то лучше, – с удовлетворением кивнула Шива.

– Но осуществимо ли это? – возразила Шахразада. – Пока мне все вышеперечисленное кажется невозможным.

– Как сделать невозможное возможным?

– Ты бы еще спросила, как заставить козу летать, – фыркнула Шахразада с мрачным выражением лица.

– Ну хорошо, раз ты настаиваешь, – абсолютно серьезно согласилась Шива. – И как же?

– Привязать ее к большому воздушному змею.

– Вряд ли ей удастся пролететь далеко таким образом: бечевка не выдержит.

– Ну хватит дурачиться.

– Я рассуждаю серьезно, – рассмеялась Шива, и ее голос эхом разнесся по помещению, за надвигающийся туман, за молчаливо висящий над головой источник света. – Но что, если посадить козу на летающий ковер? Как думаешь, так будет лучше? – Ее глаза подозрительно сверкнули.

– Не говори ерунды.

– Просто пытаюсь рассмотреть все варианты. – Шива взмахнула рукой, отгоняя белые пряди тумана. – Если спросишь меня, как летать, то я отвечу: отрезать все, что тянет тебя вниз. – Ее слова звучали приглушенно, словно из-под воды, хотя улыбка оставалась такой же теплой и светлой. – Избавься от груза, Шази. И лети.

Шахразада резко проснулась.

В шатре стояла кромешная тьма. Пустынный ветер мерно бился в тканевые стенки, убаюкивая. Глубокое и ровное дыхание сестры говорило о том, что она давно погрузилась в сон.

Во рту пересохло, но на душе царил удивительный покой.

Шахразада прислушалась к себе, ожидая ощутить всеобъемлющую пустоту от осознания, что сон закончился, оставив так много недосказанности. Но так ее и не почувствовала. Как не чувствовала себя одинокой и потерянной. Впервые с тех пор, как покинула Рей почти неделю назад.

Наконец пришло понимание, как достичь цели. Цели, за которую можно сражаться.

«Избавься от груза, Шази. И лети, – всплыло в памяти путешествие подруги, и Шахразада благодарно подумала: – Спасибо, Шива».

Она поднялась и обулась, стараясь не потревожить сестру, накинула ее *пашмину* на голову, чтобы защититься от холодного ночного воздуха, и выскользнула наружу, опустив за собой матерчатый полог...

И споткнулась о лежащее возле входа тело.

– Ай, – прошипела Шахразада, упав на песок.

Сильные руки схватили ее и прижали к земле. В памяти мелькнул образ закутанного в *риду* стража. Злобного часового с отметиной в виде скарабея на предплечье и оружием, предназначенным для войны.

Шахразада забилась под грудой стальных мышц, вlepила пощечину противнику по лицу, словно высеченному из камня. И уставилась в глаза, похожие на серебристые острия кинжалов.

Сердце Тарика билось напротив ее сердца.

– Отпусти! – велела Шахразада, с раздражением чувствуя,

что краснеет.

Он вскочил на ноги одним плавным движением, помогая подняться и ей.

– Что ты...

– Какого...

Шахразада оттолкнула Тарика и скрестила руки на груди.

Он принялся вытряхивать песок из волос, приводя их еще в больший беспорядок, затем вздохнул:

– Говори первая.

При звуке сердитого голоса Тарика в памяти воскресла более молодая его версия: с вечной улыбкой, всегда готового повернуть очередной розыгрыш.

В данный момент Шахразада предпочла бы иметь дело именно с той версией.

– Как благородно с твоей стороны дать мне слово после того, как игнорировал большую часть недели, словно мальчишка вдвое тебя младше и вдвое обаятельнее.

Несколько секунд Тарик молчал, то приоткрывая рот, чтобы заговорить, то снова закрывая. Затем устало провел ладонью по лицу, безуспешно пытаясь спрятать обиду, и выдохнул:

– Ты... Ты просто невыносима.

Шахразада крепче обхватила себя руками, запрещая себе утешать Тарика, как бы ни хотела так поступить. Каким бы это ни казалось естественным и привычным после стольких лет, проведенных бок о бок.

– Я знаю, что невыносима. Поэтому возникает вопрос: что ты здесь делаешь?

– Я задавал себе тот же вопрос много раз... В том числе недавно, лежа на холодном песке, чтобы оградить от опасностей тебя. Неблагодарную и неверную девчонку.

Эти слова подействовали на Шахразаду как ледяной душ. Пытаясь отогнать новый приступ вины, она резко развернулась и бросилась прочь. Холодный ночной воздух ничуть не остужал пылающие щеки.

Тарик настиг девушку и схватил ее за запястье.

– Не прикасайся ко мне! Не смей! – прошипела она, сбрасывая руку юноши, и с ужасом почувствовала, как наворачиваются слезы, которые удавалось отгонять почти неделю.

Шахразада не плакала ни тогда, когда увидела бессознательное тело отца на холме под потемневшими небесами. Ни тогда, когда обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на горящий город.

Ни даже тогда, когда узнала об обещании Тарика Джалалу позаботиться, чтобы она никогда не вернулась в Рей.

Привычным жестом сын эмира притянул Шахразаду к себе.

– Прекрати, – прошипела она, отталкивая Тарика и ощущая жжение злых слез.

«Ты заслуживаешь ту, о ком будешь думать даже тогда, когда ее нет рядом. Я же чувствую подобное по отношению к другому».

– Хватит пытаться обидеть меня, неблагодарная девчонка! – мрачно процедил Тарик. – Это не подействует. По крайней мере не так, как ты надеешься.

По щекам Шахразады потекли горячие слезы. Но она по-прежнему отказывалась опираться на него. Отказывалась поддаваться слабости.

Тарик устало вздохнул и обнял девушку за талию.

От него исходил запах песка и соли, а прикосновения казались такими надежными, такими привычными, такими безопасными. Ощущались как обещание всего, что так ценила Шахразада: молодости и свободы. Как обещание необузданного чувства падения, когда знаешь, что тебя непременно подхватят или, по меньшей мере, позаботятся о ранах. Как обещание беспредельных возможностей, простирающегося впереди неизведанного мира и, конечно, любви.

– Рахим рассказал, что случилось, – понизив голос, сообщил Тарик и провел пальцами по волосам Шахразады, положив ладонь ей на затылок, как делал столько раз за прошедшие годы. Девушка ощущала произнесенные слова всем телом, низкое рокотание эхом резонировало между ними. Однако она больше не заслуживала подобного удовольствия и не нуждалась в нем. – Я превратил бы мальчишку в отбивную, если бы хоть заподозрил его в столь отвратительных намерениях.

Достаточно.

Шахразада решительно высвободилась из объятий Тарика

и заявила:

– Ты не имеешь права вмешиваться. Я уже объяснилась с Теймуром. Он не посмеет продолжать преследование.

– Не имею права? – Глаза Тарика вспыхнули.

– Я уже все уладила. Ничего не предпринимай, потому что это не приведет ни к чему хорошему, лишь к новому кровопролитию. С меня уже достаточно. – Шахразада метнулась мимо Тарика, толкнув его плечом.

– Ты и своего халифа-недоноска попыталась бы ограничивать подобным образом? – Он заступил ей путь, сжав руки в кулаки и упрямо выставив вперед подбородок.

– Не сравнивай себя с Халидом. Это звучит по-детски и недостойно тебя.

– Ответь мне, Шази, – продолжил настаивать Тарик, хотя и поморщился от упрека. – Ему ты тоже сказала бы не вмешиваться? Сказала бы, что он не имеет права выместить гнев на щенке за сделанное с тобой?

– Да, – после некоторого колебания кивнула Шахразада.

– И он бы тебя послушал? – недоверчиво вскинул брови Тарик.

– Да, послушал бы, – не вполне уверенно произнесла она, добавив про себя: «Послушал бы и поступил по-своему».

– Ты лжешь, – фыркнул юноша. – Ни на секунду не поверю, что твой мясник-муженек позволил бы дожить до следующего рассвета тому, кто напал на тебя.

– Как бы поступил Халид, тебя не должно волновать, –

прорычала Шахразада, едва сдерживаясь, чтобы не повысить голос. – Я больше не хочу обсуждать ни произошедшее, ни моего мясника-муженька. – Она рубанула ладонью по воздуху, показывая, что разговор окончен.

– Значит, ты считаешь, что имеешь право контролировать дела в поселении бедуинов? – поинтересовался Тарик. – И поэтому вернула того труса его людям, как набедокурившего ребенка? Ты всерьез веришь...

– Я всерьез верю, что от нового кровопролития не было бы проку, поэтому отвела Теймура к эмиру Кереджа. Пусть тот сам назначит наказание за проступок. Именно мне надлежит разобраться с произошедшим. Никто не будет вершить правосудие от моего имени. – Шахразада ткнула пальцем в грудь Тарика.

– Считаешь, эмир действительно накажет своего человека за нападение? Сильно в этом сомневаюсь. Зато из-за тебя я не представляю, где сейчас находится Теймур. Он давно испарился – и вместе с ним пропала какая-либо надежда на справедливое возмездие! – Тарик раздраженно взмахнул руками, его лицо исказила досадливая гримаса. – Ты хоть знаешь, что этот трусливый щенок должен был через брак войти в семью эмира? Не исключено, именно тот и подговорил Теймура напасть.

– Не смей творить возмездие от моего имени, Тарик Имран аль-Зийяд! Я запрещаю...

– Я поступлю так, как решу сам, Шахразада аль-Хайзу-

ран! — воскликнул он с мучительным надрывом и схватил девушку за плечи. — Я уже однажды из принципа отказался от желаемого и с тех пор каждый день всей душой сожалею о сделанном выборе!

Возглас Тарика спиралью взлетел к небесам пустыни, пронесся по безбрежной, усеянной звездами черноте. Звучавшая в его голосе боль пронзила Шахразаду тысячей кинжалов.

Не говоря ни слова, она взяла друга детства за руку и повела за собой прочь от разбитых там и тут шатров, дальше в пустыню, и только там остановилась и повернулась к нему. Казалось, Тарик постарел, таким осунувшимся и потемневшим было его лицо.

Они смотрели друг на друга поверх моря мерцавшего песка. Поверх объединявших их обоих лет товарищества и доверия, утраченных в одно мгновение.

— Ты когда-нибудь думала о той ночи? — тихо спросил Тарик, отводя глаза.

Какое-то время Шахразада не знала, что ответить, рассматривая бесчисленные песчинки под ногами, потом наконец вздохнула:

— Ты поступил правильно. Это я вела себя неподобающе. Не следовало ставить тебя в такое положение.

— Я спросил не об этом.

— Да, — она подняла взгляд на Тарика. — Я думала о той ночи.

– Позволь узнать еще кое-что, – неловко переминаясь с ноги на ногу, сказал он. – Почему ты тогда пришла ко мне в спальню?

Эта необычная для безрассудного храбреца нерешительность ножом полоснула Шахразаду по сердцу. Она должна была сказать правду. Тарик заслуживал этого после всех их разделенных поцелуев украдкой. После всех лет безграничной любви.

После того, как развязал войну, чтобы спасти неверную нареченную.

Она прямо встретила его взгляд, хотя больше всего желала бы сбежать как можно дальше от тисками сдавливавшей сердце боли.

– Потому что хотела снова чувствовать.

– Шахразада...

– Я хотела – нет, жаждала – снова почувствовать хоть что-нибудь, – с мягкой решимостью продолжила она. – Думала, что в твоих объятиях смогу забыться и снова ощутить что-то, помимо горя. Думала, что тогда смогу оплакать Шиву и жить дальше. Но ты поступил правильно, что отверг меня. Пожалуйста, поверь, я никогда не винила тебя за это.

– Я верю, – после долгого молчания отозвался Тарик. Боль в его глазах угасла, на смену ей пришла горькая покорность. – Однако это не изменит того факта, что с тех пор я каждый день себя упрекал. – Он сделал пару шагов к Шахразаде и нерешительно застыл.

Она чувствовала, как он колеблется, и тербила края платка, закусив губу.

«Он ждет, что я спрошу, почему он себя упрекал. И боится этих слов».

– Почему? – прошептала Шахразада, поддевая песок ногой, чтобы ощутить на коже холодок рассыпчатых крупинок.

Тарик поджал губы и судорожно сглотнул, явно подбирая слова. И снова такое непривычное поведение от того, кого Шахразада любила с детства. Наконец он решительно встретил ее взгляд и убежденно ответил:

– Потому что знал: если бы мы оба получили желаемое той ночью, сейчас ты была бы моей женой, а не его.

– Это так ты интерпретировал мое намерение? – с трудом выдавила Шахразада, едва находя слова от изумления. – Думал, что дочь бедного хранителя библиотеки отправилась в спальню к наследнику эмира, рассчитывая стать его женой? – Она буравила Тарика взглядом, подбоченясь. – Я не собиралась обманом вынудить тебя жениться на мне, высокомерный идиот! И, что бы между нами тогда ни произошло, не ждала бы предложения руки и сердца на следующий день!

– Разве я так сказал?

– А как еще я должна воспринимать...

Тарик быстро шагнул вперед и закрыл ладонью рот Шахразаде, без слов моля приостановить поток упреков.

Спустя пару мгновений она кивнула, хотя и продолжала всем видом излучать неодобрение.

Тарик медленно убрал руку, и на его лице на секунду промелькнул легкий намек на веселье, как раньше. Выражение, которого Шахразаде так недоставало в последние несколько дней.

Не переставая хмуриться, она плотнее запахнула на себе *наимину* Ирсы и ворчливо поинтересовалась:

– И что же тогда ты имел в виду?

– Я имел в виду, что останься ты со мной той ночью, и на следующее утро я бы отправился к твоему отцу... – Заметив, что Шахразада уже открыла рот и собралась возразить, Тарик снова умоляюще на нее посмотрел, без слов прося дать договорить, подошел ближе и положил руки ей на плечи – вначале нерешительно, затем увереннее. – Не из-за того, что чувствовал бы себя обязанным так поступить, а потому, что не смог бы ждать ни дня больше... И это было бы неправильно, так как незадолго до того мою двоюродную сестру казнили, а тетя бросилась с балкона от горя после потери дочери. Как я мог пойти к твоему отцу – и своим родителям – просить твоей руки в такое время?

Хотя голос его оставался таким же напряженным, лицо Тарика смягчилось. В эти секунды он напоминал себя прежнего: яркого и невольно привлекающего внимание всех вокруг, но не замечавшего этого.

Договорив, юноша уронил руки и посмотрел на Шахразаду, ожидая, пока та соберется с мыслями. Она ответила, испытывая такие же непривычные для себя робость и нерешитель-

тельность, как ранее собеседник:

– Я... Я никогда бы не подумала, что ты так поступишь...

– Ты продолжаешь меня оскорблять, невыносимая девчонка, – отголосок прежнего веселья снова промелькнул на лице Тарика. – Я просто знал, что если проведу с тобой хоть одну ночь вместе, то больше не захочу ни на секунду расставаться отныне и во веки веков.

Шахразада хотела велеть ему замолчать, чтобы он не сказал того, о чем потом пожалеет. Чтобы уберечь от новой боли.

Но Тарик решительно приподнял ее подбородок, заставив посмотреть себе в глаза, и с напором добавил:

– С тех пор, как я увидел твое падение с той стены в Талекане, наше совместное будущее казалось предопределенным. Так сильно я люблю тебя. – Его слова слетали с губ без усилий, как всегда. – Но ты больше не можешь сказать того же, не так ли? – Шахразада попыталась отвести взгляд, но Тарик не позволил и тихо попросил: – Пожалуйста, ответь мне. Пора мне услышать правду. Я... ее заслужил.

Изучая осунувшееся лицо бывшего возлюбленного, Шахразада осознала, что в последние дни он готовился к этому моменту. Хотя ни одному из них не стало легче.

– Я люблю тебя, Тарик, – вздохнула она, с величайшей нежностью положив ладонь на щеку юноше. – Но... Халид – мой дом.

Он накрыл руку Шахразады своей и серьезно кивнул.

Этот короткий жест послужил единственным подтверждением услышанного, не считая едва заметно обозначившихся на стиснутых челюстях желваков. Подавленные эмоции говорили о боли Тарика гораздо отчетливее, чем любые слезы.

– Не могу передать, насколько я сожалею, что ранила тебя, – прошептала Шахразада, едва в состоянии выдавить слова из-за кома в горле, и прижала вторую ладонь к щеке Тарика, стараясь через прикосновения выразить свое раскаяние, хотя и знала, что это глупо, но не представляя, как еще загладить вину за столь ужасное предательство.

Тарик медленно отступил. Выражение на его лице казалось чужим, отстраненным.

– Я знал, что ты его любишь, с тех пор, как увидел вас вместе в Рее. Но... как полный идиот, цеплялся за несбыточную надежду.

– Пожалуйста, пойми... – Шахразада до крови прикусила нижнюю губу. – Я меньше всего на свете хотела причинить тебе боль.

– Я сам виноват, что осмелился мечтать. Рахим передал мне то, что ты сказала Теймуру: что твое сердце по-прежнему стремится ко мне и что так будет всегда.

– Я... – язык обжигал вкус меди и соли.

– Ты солгала, спасая свою жизнь. Я понимаю, – ничего не выражающим тоном произнес Тарик. – Но знай: Теймур передаст твои слова эмиру Кереджа, а тот может распространить слух дальше.

Шахразада заморгала, удивленная неожиданной сменой тактики собеседника. На его лице больше не было заметно ни следа уязвимости, лишь решительно сведенные брови и бесстрастное выражение.

Тарик снова отгородился от нее, как в последние несколько дней.

– В поселении будет безопаснее – особенно в присутствии врагов халифа-убийцы – поддерживать видимость нашего единства, – подвел он итог.

Шахразада не планировала задерживаться у бедуинов надолго, но понимала, что должна сказать хоть что-то если не в защиту Халида, то хотя бы в защиту Тарика, поэтому покачала головой, стискивая до боли в пальцах края платка, и возразила:

– Я не могу просить тебя о подобном. И не стану. Это нечестно.

– Да, – кивнул Тарик. – Но ты наверняка попытаешься уговорить меня остановить войну.

– Ты бы сделал это? – Шахразада широко распахнула глаза от удивления. – Это вообще возможно?

– Даже если так, то я все равно бы тебя не послушал, – без колебаний заявил Тарик. – Потому что всегда довожу до конца начатое и держу слово. Отказаться от своих обязательств сейчас значило бы подвести не только тех, кто меня окружает, но и себя самого.

– Тех, кто тебя окружает? – воскликнула Шахразада, ощу-

тив внезапный и неукротимый прилив гнева. – Ты хоть знаешь этих людей, Тарик? – Она вспомнила о метке *фидаи* на предплечье часового перед входом в шатер шейха. – Ты оплачиваешь услуги наемников и убийц всех мастей в попытке свергнуть халифа, о котором не знаешь ровным счетом ничего! Халид не такой...

– Оплачиваю услуги наемников и убийц? – перебил Тарик и язвительно рассмеялся. – Только послушай себя, Шази! Разве ты сама представляешь, кем является твой муж? Разве не знаешь, какие истории о нем ходят? Разве не казнил этот кровожадный безумец Шиву – твою лучшую подругу? – Последние слова он растянул, подчеркивая их значение.

Подчеркивая предательство Шахразады.

Она проглотила готовые сорваться с языка возражения и только сказала:

– Все не так просто, как ты думаешь.

– Любовь и в самом деле слепа. Но себя я ослепить не позволю, – процедил Тарик, хотя в его глазах плескался целый океан эмоций. – Для меня важно лишь одно – несет ли халиф Хорасана ответственность за смерть Шивы.

– Да, – с болью прошептала Шахразада, потому что каковы бы ни были обстоятельства, непреложного факта они не меняли.

– Значит, все просто.

– Пожалуйста, – она протянула руку к Тарику. – Ты сказал, что любишь меня. Умоляю, подумай еще раз...

– Я тебя люблю, это правда, – перебил он, отстраняясь и изо всех сил стараясь скрыть свою боль. – Ничто не изменит моих чувств. Как ничто не изменит и того, что халиф убил мою двоюродную сестру и украл девушку, которую я мечтал взять в жены.

Шахразада с ужасом наблюдала, как ладонь Тарика легла на рукоять оружия. Хотя он едва не споткнулся из-за поспешного отступления, голос его даже не дрогнул.

– Клянусь – в следующий раз, когда мы с Халидом ибн аль-Рашидом встретимся, один из нас умрет.

Готовность учиться

Он знал без всяких сомнений, что совершал ошибки.

Ошибки в суждениях. Ошибки в планировании. Ошибки в понимании.

Пожалуй, можно было сказать, что он виновен в глупой гордыне собственными достижениями. Даже в глупом тщеславии.

Но Джахандар никогда не стремился к подобному исходу событий, всего лишь наивно полагал, взывая к сокрытым в древнем фолианте силам, что сумеет их контролировать. Полагал, что управляет ситуацией.

Это заблуждение стало первой из многих ошибок.

Древние силы вовсе не намеревались подчиняться, а стремились подчинить себе. Увы, они пребудут скрытыми за завесой поэзии давно забытого языка, запечатаны под проржавевшим замком.

С одной стороны, Джахандар осознавал, что следовало уничтожить книгу. Силы, способные на разрушения такого масштаба, которому он стал свидетелем в судьбоносную грозовую ночь, не должны существовать в мире людей. С другой же...

Он никак не мог разжать пальцы на древнем фолианте, чье тепло просачивалось через кожу и пульсировало в волдырях на руках. Словно живой жар бьющегося сердца.

Вдруг в этот раз скрытые в книге силы подчинятся? Теперь, когда Джахандар лучше представлял, чего ждать?

Или было верхом глупости надеяться на это? Очередной ошибкой?

Вероятно.

Можно попытаться начать с чего-то небольшого, безобидного. Ничего подобного той ужасной грозе, которую он вызвал на окраинах Рея. Теперь все будет по-другому. Нужно учесть свои ошибки.

Зная, на что способны древние силы, Джахандар погрузился в глубины книги уже осторожнее. С куда большей осторожностью, чем на вершине холма рядом со столицей в ту ночь, когда мощь фолианта превратила целый город в руины.

Воспоминания о вспышках молний, прорезавших небеса и ударявших в самое сердце Хорасана, заставляли вздрагивать до сих пор.

Город, где Джахандар растил дочерей и опекал любимую библиотеку. Город, где он похоронил жену, когда та скончалась после изнурительной болезни. Город, где он потерпел столько сокрушительных поражений.

Джахандар вспомнил все те случаи, когда оказался бессилен: он не сумел противостоять недугу жены, не сумел сохранить пост визиря после ее смерти, не сумел помешать дочери отправиться во дворец навстречу роковой судьбе.

Не сумел повлиять ни на одно важное событие. Просто

плыл по течению жизни.

Бесполезный, бессильный.

Джахандар снова прижал к себе книгу, испытывая благодарность, что обе его дочери уцелели в грозу, остались невредимыми.

Наверняка многим другим повезло гораздо меньше.

Он приоткрыл глаза, но увидел лишь подавляющую тьму шатра. На грудь камнем навалилось чувство вины, отчего стало тяжело дышать. Джахандар впился ногтями в кожаный переплет древнего фолианта, сражаясь за каждый глоток воздуха. Смаргивая пелену слез раскаяния.

Отгоняя воспоминания о криках, до сих пор звенящих в ушах.

Он не виноват! И не желал ничего подобного, а только хотел обеспечить отвлекающий маневр, чтобы освободить любимую дочь. И, пожалуй, обрести истинное призвание – стать кем-то важным. Кем-то уважаемым. Внушающим страх.

Но все еще можно исправить. Джахандар знал, как это сделать.

Он передал свой дар старшей дочери – Ирса упомянула об этом сегодня, рассказывая про волшебный ковер. Гордому отцу стоило немалых усилий, чтобы сдержаться и продолжить лежать неподвижно после такой новости, открывавшей безграничные возможности.

Шахразада была особенной. И очень сильной. Даже силь-

нее, чем сам Джахандар. Он чувствовал это каждый раз, как она мимоходом дотрагивалась до фолианта. Древние силы приветствовали прикосновения дочери, признавали ее потенциал стать великой.

Подарить отцу шанс на искупление.

Как только он поправится, то вернется к изучению книги и на этот раз овладеет заключенными в ней силами. Не позволит им снова контролировать себя.

Нет, никогда больше он не совершит подобного промаха.

Джахандар научит дочь использовать свои способности, и вместе они исправят все то, что пошло не так.

Потому что ошибка остается таковой, только если ничего не предпринимать.

Джахандар всю жизнь был ученым и больше всего гордился тем, что обладал важным качеством – готовностью учиться.

Бабочка и великан

Халид ненавидел сюрпризы.

Настороженно относился к ним даже в детстве.

Он не мог вспомнить ни единого раза, когда неожиданность оказалась бы приятной. Опыт говорил, что сюрпризы часто служили прелюдией к чему-то куда более вероломному, подобно инкрустированному драгоценностями кубку с отравленным вином.

Нет уж.

Лучше обойтись без неожиданностей.

Именно поэтому Халид совершенно не обрадовался, когда вошел в комнату Викрама и обнаружил сидящую рядом с телохранителем Деспину.

Как она сумела так быстро узнать, что Воин очнулся, если самому халифу доложили об этом меньше часа назад, на рассвете?

Верно говорят, что служанки слышат и видят все. Это было основной причиной, по которой Деспина всегда являлась таким превосходным соглядатаем. Также она умела заводить дружеские связи и завоевывать расположение с легкостью порхающей бабочки, выбирая самых полезных и влиятельных особ во дворце.

Ей удалось стать близкой наперсницей Шахразады.

При виде халифа служанка тут же вскочила и низко по-

клонилась, касаясь лба кончиками пальцев правой руки.

– Мой повелитель.

– Должен признаться, я впечатлен, – произнес Халид, застыв с непроницаемым выражением лица в изножье кровати Викрама.

– Да простит повелитель мою дерзость, но вы не выглядите впечатленным, – улыбнулась Деспина.

В ее глазах плясали искорки, несмотря на тусклый свет, проникавший сквозь прорези на ставнях.

С губ телохранителя сорвалось покашливание, служившее индоарийскому воину-раджпуту вместо веселого смеха.

Халид тут же обернулся к раненому и спросил прямо:

– Как твое плечо?

Между ними не было места формальностям. Они много лет тренировались бок о бок. Сражались вместе и истекали кровью. А когда Халид стал халифом, Воин занял место рядом в качестве телохранителя. А другом являлся задолго до того.

Викрам не ответил, лишь уставился в потолок.

Халид заметил пропитавшиеся кровью бинты раненого с отвратительно пахшими мазями, выделявшиеся на медной коже левого плеча. Когда Воин сел и потянулся к стакану с водой на стоявшем рядом низком столике, то не сумел сдержать болезненной гримасы. Деспина наклонилась, чтобы помочь, проигнорировав недовольный взгляд великана.

– Вы разминувшись с *факиром*, мой повелитель, – сообщи-

ла она, ставя стакан обратно на столик. – Он сказал...

– Что стрелы того щенка раздробили мне грудину. И плечевую кость, – ворчливо закончил Викрам, и тон его не сулил ничего хорошего лучнику.

Деспина заморгала, на мгновение утратив дар речи, но вскоре взяла себя в руки и широко улыбнулась.

– Также *факир* сообщил...

Викрам заставил служанку замолчать одним лишь суровым взглядом. Она надулась и вернулась на свое место, сложив руки на груди.

Безжалостной частью своей души Халид ощутил странное удовлетворение от этой картины – порхающая бабочка, подчинившаяся силе великана. Если бы Шахразада была здесь, она наверняка бы отпустила очередную колкость, одновременно и улучшив и ухудшив ситуацию, а также еще больше удовлетворив жестокосердную сторону Халида.

Он подошел к изголовью кровати Викрама и спросил:

– Я могу хоть чем-то помочь?

– Ничем, если у тебя нет новой руки, – с привычной бесстрастностью отозвался Воин, откидываясь на подушки и меряя собеседника непокорным взглядом.

– Увы, мне нужны обе мои руки, – слегка улыбнулся Халид.

– Для чего же? – проворчал Викрам с нарочитым презрением.

– Чтобы сражаться.

– Ложь. Такие разряженные павлины, как ты, не умеют сражаться.

– Я никогда не лгу, – многозначительно приподнял брови Халид.

– Ложь, – несмотря на мрачный взгляд, под усами Викрама мелькнула улыбка.

– Возможно, «никогда» – слишком сильно сказано.

– «Редко» лучше подходит.

– Значит, пусть будет «редко», – согласился Халид с намеком на улыбку.

– Я больше не могу сражаться, meraa dost³, – тяжело вздохнул Викрам, пригладил правой рукой свою короткую бороду и на секунду прикрыл глаза: признание явно далось ему нелегко.

– Вот это – точно ложь, – без колебаний сказал Халид. – Факир сообщил, что твое плечо исцелится со временем. Нельзя...

– Я ничего не чувствую левой рукой.

Халид ненавидел сюрпризы всей душой, с силой тысячи солнц.

Его взгляд невольно упал на пострадавшую конечность Викрама. Она лежала поверх льняной простыни и казалась такой же, как раньше: безжалостной, мускулистой. Неуязвимой.

Но это уже не соответствовало действительности.

³ Meraa dost – мой друг (хинди).

Викрам не любил пустые слова утешения и не нуждался в них, но Халид все равно не сумел воспротивиться желанию прокомментировать очевидное:

– Еще слишком рано делать выводы. – Он постарался не допустить сочувствие в голос, так как знал, насколько это задело бы друга. – Ощущения могут со временем вернуться.

– Даже если так, то я никогда больше не смогу сражаться по-прежнему. – В словах Викарама не было и намека на эмоции – простая констатация фактов.

Деспина заерзала на своем месте, уже во второй раз демонстрируя беспокойство с момента появления в комнате Халида.

Несмотря на удивление, он некоторое время обдумывал слова Викарама, прежде чем сказать:

– Повторюсь, еще слишком рано делать выводы.

– Щенок использовал стрелы с обсидиановыми наконечниками. – Ярость Воина, казалось, сочилась из его пор, прорезала глубокие морщины на лбу. – Они раздробили кости так, что их уже не восстановить.

Халид испытывал ту же ярость, что и друг, но все же усилием воли подавил гнев. Сейчас было не время подливать масло в огонь. Поэтому он превратил лицо в маску фальшивого спокойствия. В маску, которая так хорошо ему удавалась.

– Мне доложили об этом.

– Я не могу служить телохранителем, имея лишь одну дей-

ствующую руку, – подчеркивая каждое слово, прорычал Викрам.

– Не согласен.

– Так и знал, что ты станешь возражать, – нахмурился он. – Но это и неважно, meraa dost.

– Почему это?

Служанка снова заерзала на стуле.

Викрам удобнее устроился на подушках, его лицо разгладилось.

– Потому что я не желаю быть тенью себя прежнего. И ты не сможешь меня заставить. – Он даже не стал утруждаться, чтобы бросить на собеседника вызывающий взгляд.

– Могу ли я хоть чем-то помочь, друг мой? – повторил свой вопрос Халид, хотя сейчас слова звучали совершенно по-другому.

– Я хочу покинуть город, – после продолжительной паузы ответил Воин. – Чтобы начать собственную жизнь.

– Конечно, – кивнул Халид. – Все, что пожелаешь.

– И завести жену.

Еще один сюрприз. Похоже, сегодня им не будет конца.

– У тебя уже есть кто-то на примете? – осторожно спросил Халид, сохраняя хладнокровное выражение лица.

Викрам насмешливо посмотрел на халифа, затем медленно указал глазами на хмурую бабочку, сидевшую рядом.

На лучшего соглядатая халифа.

Новая неожиданность. Когда же они закончатся?

Как бы Халид ни старался, ему не удалось скрыть недоверие.

– И ты согласна? – уточнил он у Деспины едва слышно, почти шепотом.

Когда она надула губки, состроила веселую гримаску и сверкнула глазами, похожими на глубокие колодцы, полные невысказанных тайн, Халиду потребовалась вся сила воли, чтобы усмирить свой темперамент и не выбежать в ярости из комнаты.

– Хорошо. Не мне судить о хитросплетениях любви, – покачал головой халиф, изгнав даже намек на удивление из голоса. – Что-нибудь еще?

– Да, есть одна вещь, – пророкотал Воин, словно только что вспомнил. Халид терпеливо ждал, надеясь не услышать очередной неприятный сюрприз. – Несмотря на личность моей будущей жены, мне не хотелось бы становиться объектом сплетен. – Викрам посмотрел на Деспину, и она вернула ему взгляд с понимающей улыбкой.

– Конечно, – кивнул Халид. – Я никому ничего не скажу, обещаю.

– Через два дня мы уедем, – сообщил Воин. – После этого все будет в руках богов.

– Я буду скучать по искрометным беседам с тобой, друг мой, – проговорил халиф, стараясь не выдать охватившей его боли от грядущего расставания – ожидаемой, но оттого не менее острой.

– Ложь, – фыркнул Викрам, и его здоровое плечо затряслось от сдавленного смеха. – Теперь ты станешь лучшим фехтовальщиком Рея. Наконец-то.

– Лучшим фехтовальщиком разрушенного города, – парировал Халид, едва сдерживая улыбку. – Мне подходит. – Он отвел взгляд, потирая челюсть ладонью.

– Meraa dost? – В голосе Викара впервые появился намек на неуверенность. – Ты и в самом деле не попытаешься ее вернуть?

– Что я слышу? – Халид снова посмотрел на друга и ухмыльнулся, хотя на сердце было тяжело. – После стольких возражений?

– Несмотря ни на что, я понял... что скучаю по этой нарушительнице спокойствия. И по ее редкому дару заставлять тебя улыбаться.

Халид тоже скучал по Шахразде. Больше, чем думал.

– В Рее она была бы в опасности, – прокомментировал он. – Я ей не подхожу.

– А тот щенок подходит? – возмутился Викрам, и лоб его снова прорезали морщины.

– Возможно, – сказал Халид, чувствуя, как возвращается и его ярость. – По крайней мере, он обладает даром заставлять ее улыбаться.

– А ты нет? – Викрам недоверчиво сощурился, и его глаза сверкнули, как два кусочка кремня.

Как обсидиан костедробильных наконечников стрел Та-

рика Имрана аль-Зийяда.

Кровь Халида вскипела от злости. От ничем не обоснованной ярости.

В конце концов, именно он позволил Шахразаде сбежать с сыном эмира Назира и не стал их преследовать, как сначала хотел. Не приказал Джалалу вернуть ее, как бы того ни желал.

Халид решил отпустить возлюбленную, чтобы освободить ее от необходимости и дальше страдать вместе с ним. Вместе с Реем.

Сколько еще времени он мог оттягивать неизбежное?
Это стало невозможным.

Невзирая на все попытки уйти от судьбы, она все же настигла его и огненной грозой пронеслась по городу. Разрушила и сожгла все то, что любил и ценил Халид.

Он не хотел, чтобы Шахразада сгорела вместе с ним, и предпочел бы снова и снова пылать на костре, лишь бы не видеть страдания на лице любимой.

– Я не могу вызвать у нее улыбку, – наконец проронил Халид. – Больше не могу.

– Еще слишком рано делать выводы, – после недолгого размышления заключил Воин, поглаживая ладонью бороду.

– Желаю тебе счастья, Викрам Сингх. – Халид низко поклонился, касаясь лба кончиками пальцев.

– И я тебе, meraa dost – мой дорогой друг.

Ни единой капли

«Избавься от груза, Шази. И лети, – звучало в голове напутствие подруги, разносясь по ветру, точно тайное воззвание. – Лети».

Шахразада расположилась в центре шатра, не обращая внимания на шум снаружи. На шаги новых воинов, прибывших в поселение. На звуки надвигавшейся войны. А вместо этого сосредоточилась, сидя на пыльном полу, согнув колени и скрестив лодыжки.

Сосредоточилась на самом уродливом коврике в мире: цвета ржавчины, с темно-синей каймой и центральным орнаментом из черно-белых завитков. С потрепанными, пожелтевшими кисточками с двух сторон. И подпалинами на двух других углах.

Коврик с собственной историей.

Хотя сам он был совсем маленьким, едва достаточным, чтобы уместить пару сидящих рядом человек.

Шахразада задумчиво склонила голову набок, затем сделала глубокий вдох и положила ладонь на поверхность коврика.

Покалывание, напоминавшее онемение после длительной неподвижности, начало нарастать вокруг сердца. Ощущение волной жара пронеслось в крови, перетекая в пальцы.

Хотя в этот раз Шахразада знала, чего ждать, она все рав-

но вскрикнула, когда угол коврика приподнялся, и невольно отдернула руку. Волшебный предмет тут же безжизненно растянулся на полу.

«Избавься от груза, гусыня, – словно наяву прозвучал в ушах голос подруги. – Или ты потеряла способность слышать вместе со способностью брать себя в руки?»

– Я тебя слышала и в первые тысячу раз, зануда, – с легкой улыбкой пробормотала Шахразада воспоминанию Шивы, после чего потянулась и взяла с низкого столика поблизости пустой стакан и кувшин с водой. До середины наполнила сосуд, поставила в центр черно-белого орнамента самого уродливого в мире ковра и прошептала: – Время для серьезного испытания.

Затем снова положила ладонь на ткань. Как и раньше, в груди начало нарастать странное ощущение, которое постепенно распространилось до пальцев. Края коврика приподнялись и свернулись внутрь, а сам он взлетел в воздух, сначала по углам, а потом и целиком.

Шахразада встала на колени, двигаясь осторожно, чтобы не прервать контакт. Стакан держался посередине центрального орнамента. Не пролилось ни единой капли. Медленно выдохнув через нос, девушка повела руку вправо. Коврик послушно последовал в том же направлении, паря на уровне плеч. Вода в стакане оставалась спокойной, как безмятежная гладь озера.

Тогда Шахразада решила предпринять еще кое-что.

Она резко встала и подняла руку к куполообразному потолку шатра, ожидая, что коврик выйдет из повиновения, однако он тут же взлетел следом, хоть и быстро, но плавно, даже грациозно, трепеща, будто под порывами легкого бриза, пока не поднялся над головой Шахразады и не коснулся ее пальцев – волнами, набегавшими на невидимый берег, – после чего так же плавно опустился на пол, подчиняясь приказу.

Она повторила эксперимент дважды, командуя: вверх и вниз, снова и снова. Ни разу коврик не прервал контакт с ее рукой, ни разу не вышел из-под контроля, без усилий неся стакан, как невесомого пассажира, опускаясь и поднимаясь мягко, словно облако.

Вода лишь несколько раз слегка качнулась, но так и не пролилась. Казалось, жидкость танцует под неслышную плавную мелодию.

Наконец Шахразада велела коврику распластаться на полу, словно наяву слыша голос подруги, которая перестала отчитывать ее и рассмеялась – певуче, нежно. Дразняще.

«Теперь твоя очередь, гусыня».

Шахразада улыбнулась про себя, приняв решение, что завтра ночью снова испытает волшебный коврик. Но на этот раз без стакана.

Этим утром *баба́* выглядел лучше. По крайней мере, Ирса так думала. Он уже не казался таким истощенным и бледным, а также сумел проглотить смесь воды и трав с меньшими усилиями, чем вчера.

Может, он скоро очнется?

Ирса поморщилась и смахнула со лба прилипшие пряди. Наверняка она уже стала похожа на одного из оборванцев Рея: на воротнике чернела грязь, за ушами скопился песок. Испустив обреченный вздох, девушка скрутила свою каштановую косу в узел на затылке.

Во имя всех святых, почему в шатре отца так жарко? Словно в пекарне в самый разгар летнего дня. И как только *баба́* выносит эту духоту?

Ирса снова взгляделась в землистого цвета лицо отца, затем вытерла пот с его лба и прошептала:

– Пожалуйста, очнись. Сегодня мой день рождения. Снова увидеть твою улыбку или услышать голос стало бы лучшим подарком.

Она поцеловала отца в лоб, собрала вещи, направилась к выходу из шатра и настолько погрузилась в раздумья, что не заметила высокую мужскую фигуру снаружи.

– Ирса.

Она резко остановилась и обернулась, едва не упав из-за

поспешных движений. Затем козырьком приставила ладонь ко лбу, чтобы заслонить глаза от безжалостных солнечных лучей.

– Я долго ждал тебя здесь, на жаре, чтобы осведомиться о самочувствии после вчерашнего испытания, – тихо сообщил Рахим аль-Дин Валад. – Но вижу, что меня не замечают.

– Да. То есть нет. – Ирса почувствовала, что к щекам прилил румянец. – Я хотела сказать, что не намеревалась...

– Я шучу, Сверчок, – натянутый смех юноши прозвучал невесело.

– Лучше не надо, – сурово заявила она, недовольная, что Рахим употребил ее ненавистное прозвище, хотя и знал, как она этого не любит.

Он усмехнулся, чуть суховато, будто порвалась пергаментная страница, но Ирса почувствовала необычайное спокойствие от этого звука. Ее всегда успокаивали самые странные вещи. Например, своеобразное выражение лица Рахима.

– Я в порядке, – еще сильнее покраснев, заверила она. – Могу ли еще чем-то помочь?

– Разве люди общаются с тобой, только когда им что-то нужно?

– Нет, – отрезала Ирса. Почему Рахим всегда задает столько вопросов? И почему ее это так раздражает? – Они общаются со мной лишь по необходимости. Или же когда думают, что это мне что-то необходимо, вот как ты сейчас, – парировала она. – Но полагаю, что принимать солнечные ванны

тоже полезно для здоровья.

Как только последняя реплика слетела с губ, Ирсе тотчас захотелось вернуть сказанное. Что с ней такое? Так разговаривать с Рахимом после всего, что он для нее сделал в последнее время! Учил скакать на лошади по палящей жаре вместо того, чтобы составить компанию Тарику или другим воинам. И вчера помог выручить Шахразаду.

Не было абсолютно никаких причин грубить ему. Не считая собственной глупости.

– Если мне не изменяет память, – еще один сухой смешок, – то Шази тоже срывалась на окружающих в свой пятнадцатый день рождения.

Рахим помнил о ее празднике?

Ошеломленная этой мыслью, Ирса сумела лишь выдавить, запинаясь:

– Я... Это Шази рассказала?

Она остро ощущала близость Рахима, отчего кровь шумела в ушах, а по телу разливалось тепло, совсем как вчера, когда он передал ей поводья, и их руки соприкоснулись.

– Нет, – покачал головой собеседник и замолчал, переживая, пока уляжется порыв ветра, бросавший песок в лицо, после чего отряхнул свои волнистые волосы и добавил: – Ты думала, что я забуду?

– Нет, просто считала, что никто и не вспомнит о моем дне рождения.

Рахим уставился на Ирсу с тем же успокаивающим выра-

жением лица, и она снова покраснела, но постаралась скрыть смущение, приглаживая волосы... И тут же поняла, что так и не развязала косу, поэтому сейчас наверняка выглядит, как попрошайка из подворотни. Широко распахнув от ужаса глаза, девушка быстро раскрутила узел на затылке, распустила волосы и попыталась привести их в порядок, насколько это было возможно.

– Что ты делаешь? – Ее поведение наконец выбило Рахима из колеи, и он захлопал своими невероятно густыми ресницами.

– Пытаюсь не выглядеть, как уличная оборванка.

– Что? – Рахим недоуменно нахмурился, отчего между бровями залегла вертикальная складка. – Но зачем?

– Потому что девушки должны быть красивыми! – выпалила Ирса, раздраженно вытирая лоб рукавом. – А не потными и вонючими.

– Существует такой закон?

– Нет, но... Ты такой... въедливый, – снова не сдержалась Ирса.

И вообще-то она сказала правду. Зачем задавать столько вопросов? И быть таким вежливым и участливым?

В глазах Рахима заплясали лукавые искры.

– Да, мне уже говорили. – Он взглянул на Ирсу так, как никогда раньше не смотрел, и после секундного колебания произнес: – Я кое-что тебе принес.

– Что? – Она подошла ближе, так, чтобы оказаться в тени

высокого юноши, и убрала ладонь ото лба. — И почему?

— Вот. — Рахим достал из-под коричневой ткани *риды* свиток, перетянутый пеньковой веревкой, и протянул имениннице. — Я взял его на время у Омара, так что это не подарок, но... Подумал, тебе может понравиться... — Он пожал плечами.

Несколько секунд Ирса просто ошеломленно смотрела на вытертый пергамент, и только заметив, что Рахим собирается задать очередной вопрос, опередила его:

— Что это?

— Омар рассказал, как ты придумала смешать чай, молоко и травы, чтобы напоить отца. В этом свитке содержится информация о лекарственных растениях и их свойствах. Я решил, что тебе может понравиться нечто подобное. Принести чернила и пергамент, чтобы делать выписки? Или... — он снова пожал плечами, — я помогу, хотя мой почерк оставляет желать лучшего.

Ирса застыла, будто громом пораженная. Если она чего-то и ожидала от всегда благоразумного Рахима, то точно не этого. Он вручил ей подарок?

— Э-э... полагаю... В смысле, да, конечно. То есть я имела в виду, что сама сделаю выписки.

— К твоим услугам, — юноша рассмеялся, и снова его голос хоть и прозвучал сухо, но согрел душу Ирсы.

Когда Рахим развернулся, чтобы уйти, она ощутила внезапное желание попросить его остаться. Но с какой целью?

Будто почувствовав смятение Ирсы, Рахим оглянулся и поинтересовался:

– Ты... Ты планируешь сегодня вечером посетить общее собрание после военного совета?

– А Шахразде тоже разрешат прийти? – уточнила она, хотя всем сердцем желала согласиться сразу.

– Не думаю, что кто-то станет возражать. Ее поддерживает Тарик. Кроме того, на посиделках возле костра никто не будет обсуждать ничего важного. А еще, уверен, многим не терпится собственными глазами взглянуть на знаменитую Шахразиду. Но если она решит явиться, то должна быть готовой ко всеобщему вниманию, – предупредил Рахим, в очередной раз проявив себя заботливым другом.

– Я передам. И... прослежу, чтобы сестре ничто не угрожало. – Ирса подняла глаза, встречая взгляд собеседника.

Спокойная. Решительная. По крайней мере, она надеялась, что кажется таковой со стороны, хотя на самом деле могла производить впечатление и полной безумицы – учитывая всклокоченные волосы и нервно прижатый к груди свиток про лекарственные растения.

– Ничего другого я от тебя и не ожидал, – серьезно кивнул Рахим и задумчиво посмотрел на девушку. – Tavalodet mobarak, Ирса аль-Хайзуран. Пусть ждут тебя впереди еще сотни дней рождений.

– Благодарю, Рахим аль-Дин Валад.

Он склонился в вежливом поклоне, а когда выпрямился,

слегка улыбнулся в своей привычной манере – так, словно знал что-то неизвестное всем остальным. Что-то очень важное.

– И возвращаясь к нашему разговору: тебе не о чем волноваться.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты не просто красивая, – Рахим вздохнул. – Ты интересная. Никогда не забывай об этом.

Как нераспустившийся бутон

Он никогда бы этого не признал. Даже с приставленным к горлу кинжалом.

Но Джалал, похоже, оказался прав.

Халифу Хорасана не следовало без объяснений пропадать надолго неизвестно где.

Однако Халид не мог оставаться во дворце день за днем. Там накопилось слишком много воспоминаний. Уродливых воспоминаний о пролитой крови, ярости и предательстве. Единственную комнату, где можно было укрыться и обрести покой, уничтожила молния во время грозы.

А еще во дворце скрывались потаенные воспоминания, которые Халид пока не хотел переживать заново.

По крайней мере, в городе все происходило наяву. Пусть страдания жителей Рея и вызывали угрызения совести у халифа, навлекшего беды на головы подданных, он готов был встретиться лицом к лицу с последствиями собственной ошибки. И попытаться загладить вину.

После целого утра, проведенного за чтением бесконечных прошений, Халид страстно желал увидеть результаты своих трудов. Знать, что сделал что-то важное.

Помимо того, что отразил угрозу надвигавшейся войны.

Увы, похоже, сегодня он совершил ошибку.

Солнце ярко сияло, отражаясь на поверхности ступеней

городской библиотеки.

Слишком ярко. Ослепительно.

Перед глазами поплыли круги. Такое происходило все чаще и чаще. Головная боль усилилась и стала почти переносимой. Халид уже не помнил, когда чувствовал себя полностью здоровым, но после проведенного за бумагами утра, когда приходилось вглядываться в мелкие надписи на бесконечной стопке пергаментных листов, а затем целого дня физического труда с перетаскиванием гранитных камней по неровным ступеням мигрень только усилилась.

Халид сделал перерыв, чтобы приспустить капюшон и утереть пот со лба.

Переодетый халиф не случайно выбрал старейшую городскую библиотеку в качестве следующего объекта, где предложил свои услуги по восстановлению здания. Несмотря на большое количество и других желающих помочь, он возвращался к разрушенному каменному строению вот уже несколько дней подряд, потому что именно здесь работал отец Шахразеды до того, как их семья была вынуждена покинуть Рей.

И сама она тоже явно любила это место, если судить по рассказанным сказкам.

Очевидно, библиотека пришла в упадок и нуждалась в ремонте задолго до разразившейся неделю назад грозы. Ведущие к арочному входу ступени потрескались и покосились, а когда-то светлый песчаник потемнел до серо-коричневого

оттенка.

Стихия лишь довершила неизбежное разрушение.

Порывы ураганного ветра свалили несколько колонн. Они упали под весом времени и пренебрежения, полностью перегородив обломками главный вход в библиотеку.

Халид уже отправил инженеров укрепить проседавшие стропила и сегодня трудился бок о бок с несколькими измученными работягами над расчисткой завалов, передавая по цепочке куски гранита.

Капюшон темной накидки-*риды* позволял халифу неузнанным находиться среди подданных. Да и кто бы мог заподозрить, что злобный правитель Хорасана перетаскивает камни возле библиотеки под палящим солнцем?

Халид выругался себе под нос, едва не выронив тяжелую ношу из-за вспотевших ладоней. Конечно же, никто бы не заподозрил его в столь бескорыстном деянии, потому что он ни на что и не годился. Не мог сделать ничего полезного. Стоило ли посвящать бесконечные часы тренировкам с оружием и урокам по так называемой стратегии, если он не способен даже переносить камни?

Один из обломков все же выскользнул из пальцев и с грохотом упал, только чудом не придавив ногу Халиду.

Он выругался во весь голос, уже не заботясь о том, что кто-то может услышать.

– Поосторожнее, юноша! – проворчал почти беззубый старик с лицом, на котором навечно застыла угрюмая гримаса,

и потащил свой груз дальше, бросив: – Так ты скоро совсем без пальцев на ногах останешься.

Халид молча кивнул, принимая упрек, после чего нагнулся, чтобы поднять камень, но заметил порез на правой ладони, откуда бежала ярко-алая струйка, и вытер его краем кушака в надежде остановить кровотечение.

– Нужно промыть рану. И перевязать. Иначе как бы хуже не было, – высказал очередной совет беззубый старик, таща мимо уже второй обломок с удивительным проворством для такого худого и пожилого человека. – С торца здания должны стоять ведра с водой. – Он указал подбородком на затененный угол библиотеки.

– Спасибо. – Халид натянул капюшон чуть ниже, чтобы не рисковать разоблачением.

– Не благодари, – отмахнулся собеседник, критически разглядывая скрытого под черной тканью *риды* халифа. – Никак не могу понять, зачем юноше в такой богатой одежде утруждаться и таскать тяжелые камни.

– Может, я люблю старые книги.

– Может, и так, – однако старик не казался убежденным. – Как бы там ни было, ступай и промой рану. Если она загноится и ты умрешь от лихорадки, твой богатенький папаша вряд ли будет доволен.

Улыбаясь про себя, Халид молча поклонился и направился к торцу здания, следуя совету беззубого мужчины.

Между ведрами с водой бегала стайка детворы. Несколь-

ко мальчишек отбирали друг у друга заржавевший стакан. Большинство емкостей выглядели сомнительно, на поверхности плавали хлопья пепла и прочий мусор. Одна предприимчивая девочка, которая стояла над большой бадьей с безупречно чистой водой без малейших следов загрязнения, заметила подошедшего Халида, окинула оценивающим взглядом его одежду, а также изысканные ножны, и расплылась в улыбке.

– Не желаете ли воды, чтобы утолить жажду, *сагиб*? – предложила юная торговка, демонстрируя сосуд из выдолбленной тыквы.

– И сколько же ты просишь? – невольно ухмыльнулся в ответ Халид.

– Для вас, *сагиб*? – Улыбка девочки стала лукавой. – Всего два динара.

Он отдал монеты, отметив яркий плетеный браслет на худой ручке, нетерпеливо протянутой вперед. Получив плату и едва сдерживая ликование, маленькая торговка сорвалась с места и бросилась в переулок, сочтя работу на сегодня выполненной. Остальные дети устремились следом, желая разделить плоды ее усилий.

Халид решил, что достойно потратил деньги, хотя и знал, что его безбожно обсчитали. Он склонился над ведром и промыл порез на ладони. Затем плеснул немного теплой влаги себе на лицо, ненадолго сняв капюшон, после чего опустил сосуд из долбленной тыквы в бадью, набрал внутрь воду

и вылил все на голову.

Часть струй попала в глаза, заставив заморгать и поморщиться. Халид сжал переносицу большим и указательным пальцами в тщетной попытке уменьшить жжение. Он выпрямился и повел плечами, позволяя себе немного расслабиться и насладиться передышкой.

– Неблагодарный грубиян.

Не успел Халид отреагировать на оскорбление, как кто-то схватил его за *риду* и впечатал лицом в шершавые камни стены старейшей библиотеки Рея. Из-за резкого движения ведро опрокинулось, и вода выплеснулась на землю.

Несмотря на размытое зрение, этот голос Халид ни с кем бы не спутал.

– Что ты здесь делаешь, Джалал? – потребовал он ответа, хватая ртом воздух.

– Я знал, что ты злишься на меня, но даже не предполагал, что опустишься до такой подлости, – с яростью прорычал двоюродный брат, снова дергая Халида за *риду* так, что тот едва не упал. – Честное слово, никогда не считал тебя способным на подобную жестокость. Сам виноват. Слишком сильно доверяю родным.

– Назад, капитан аль-Хури! – приказал Халид, отчаянно моргая и пытаясь отыскать хоть толику смысла в происходящем безумии. – Пока вы не совершили непоправимую ошибку.

– Не осталось больше никого, кто станет тебя спасать, –

процедил Джалал так сухо, что пристыдил бы даже безжалостное солнце. – И в этом виноват ты сам. Нет больше Викрама. Нет телохранителей. Наконец мы сможем драться честно. Наконец я сумею задать тебе давно заслуженную порку, неблагодарный ублюдок.

Произнося эти резкие и точно выверенные слова, Джалал казался изможденным. Он давно не брился, а под глазами залегли тени.

Однако сквозь утомление проглядывала ярость.

– Неважно, честно ты будешь драться или нет, одолеть меня все равно не сможешь, – прохладно парировал Халид, хотя вовсе не испытывал такой уверенности. – Но позволь поинтересоваться причиной столь возмутительного нападения, прежде чем нанести тебе сокрушительное поражение. Хотелось бы узнать, в чем заключается моя предполагаемая вина, не считая прискорбного факта нашего родства.

Вместо ответа Джалал отвел руку назад и врезал Халиду кулаком по лицу.

Сын халифа, восьмой в поколении аль-Рашидов, всего третий раз за всю свою жизнь получил удар, нанесенный в полную силу. И с такой неприкрытой ненавистью.

Первый – от отца. Второй – от Шахразеды.

И вот теперь – от Джалала.

Халид полетел на землю, чувствуя, как кровь стучит в висках, разбивая оковы, сдерживавшие чудовище мигрени, и оно забилось в попытках выцарапать глаза изнутри. Но он

заставил себя подняться на колени...

И бросился на Джалала, обхватив его за туловище.

Они рухнули в грязь, как двое разозленных мальчишек, и покатались по земле, цепляясь друг за друга руками, ногами и саблями. Двоюродный брат попытался встать, одновременно нанося скользящий удар кулаком по челюсти Халида. В ответ тот швырнул песок в лицо Джалала, врезал ему коленом под дых и успел несколько раз заехать по лицу и груди, прежде чем противник сбросил его, сплюнул окровавленную слюну и безжалостно ткнул локтем в висок раз, другой, третий.

Вокруг начали собираться зеваки, которые наверняка удивлялись, что побудило двух хорошо одетых юношей завязать столь грязную потасовку.

Халид обхватил ладонями голову в тщетной попытке унять боль. Солнечные лучи иглами впивались в глаза, зрение расплывалось. В висках стучало. Он вскочил на ноги и потянулся к *шамширу*, придя в ярость от ничем не мотивированного жестокого нападения.

Джалал удивленно расширил глаза, заметив этот жест, но затем тоже поднялся, вытер струйку крови с подбородка, обнажил *скимитар* и крикнул:

– Давай, доставай свое оружие!

Халид сжал пальцы на рукояти сабли, но не стал вытаскивать ее из ножен, не желая вступать в смертельный поединок с тем, кого любил.

– Давай же, трус! – завопил Джалал, размазывая по лицу кровь и смешивая ее с грязью и пылью.

Даже со своего места, даже в расстроенных чувствах Халид мог заметить, как подозрительно заблестели глаза двоюродного брата.

От этого зрелища кровь застыла в жилах.

– Думаешь, я не сумею тебя одолеть? – процедил Джалал, приближаясь со *скимитаром* наготове. – Или чувствуешь свою вину? Наконец решил признать ее?

– Вину за что? – прерывисто вздохнул Халид, стараясь сохранить хладнокровие. – Что я такого сделал?

Повисло напряженное молчание.

– Ты так и не простил того, что я отослал Шахраду? – облизнув окровавленные губы, произнес Джалал хриплым, опустошенным голосом. – Что попросил мальчишку взять ее с собой?

Халид убрал ладонь с рукояти *шамшира*. Хотя услышанное ничем не объясняло неожиданное нападение, они с двоюродным братом хотя бы перешли к разговорам. Угроза неминуемой катастрофы отодвинулась.

– Как я сказал ранее, здесь нечего прощать. И сейчас так думаю.

– Тогда зачем ты так поступил? – гневно спросил Джалал, хотя и опустил саблю.

– О чем ты? – уточнил Халид, чувствуя, что если услышит еще хоть одно невразумительное обвинение, то больше не

сможет сдерживаться.

Джалал пристально посмотрел на него, выискивая следы обмана, но наконец проронил:

– Деспина. – Вокруг словно все застыло. Даже ветер будто внезапно прекратил дуть. – Ты отослал ее. И это после того, как я признался в своих чувствах. И как только догадался, о ком шла речь... – прошептал двоюродный брат. – Или это отец тебя уговорил? А ты тут же выполнил его просьбу? – Он сделал шаг вперед. И еще один. – В конце концов, семья для тебя ничего значит... Я ничего для тебя не значу.

– Я никогда... – возмутился Халид.

– Не смей мне лгать. – Глаза Джалала потемнели и затуманились. – Только не сейчас.

– Я говорю правду. И никогда не стал бы тебя обманывать.

– Значит, это всего лишь совпадение? – Он бросил на Халида недоверчивый взгляд. – Что всего через несколько дней после того, как я рассказал, что хочу взять в жены беременную от меня девушку, ее без объяснений отсылают из дворца?

– Я всего лишь выполнил ее собственную просьбу, – начал было Халид, но осекся.

Он хотел бы поведать Джалалу обо всем, и слова уже вертелись на кончике языка, но обстоятельства ситуации казались такими... странными. Зная теперь личность возлюбленной брата, ее внезапное желание заключить брак с Викрамом выглядело подозрительно.

Слишком уж удобно все складывалось.

Особенно если учесть, насколько девушка преуспела в искусстве обмана и выведывания тайн.

Халид с новым пониманием посмотрел на двоюродного брата, отмечая плохо скрытую боль. Не следовало сейчас причинять ему новые страдания. По крайней мере, пока не будет полной информации. Пока не станет точно известно, что именно скрывала служанка.

Халид приблизился к Джалалу и нерешительно положил руку ему на плечо.

– Если бы я знал о твоих истинных чувствах к Деспине, то не отослал бы ее даже по просьбе дяди Арефа...

– Почему бы и нет? – поджал губы брат. Его глаза стали до ужаса пустыми. – Я же отослал девушку, которую ты любишь. Так что твое желание наказать меня соответствующим образом вполне логично. Я всегда помнил о твоих вспышках гнева, но не знал о способности затаить злобу и отомстить исподтишка.

– Я не затаиваю злобу и не мщу исподтишка, – процедил Халид, чувствуя, как поднимается в сердце волна горячей обиды, но затем подумал и был вынужден добавить про себя: «Может, раньше. Но больше нет. С тех пор, как в моей жизни появилась Шахразада».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.